

Светлана Смолина

МЕДВЕЖЬИ

СНЫ

Светлана Смолина

Медвежьи сны

«Издательские решения»

Смолина С.

Медвежьи сны / С. Смолина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850171-5

Маруся Климова сбегает из благополучной жизни в «медвежий угол» и, получив работу певицы в ресторане, становится объектом любовного интереса «хозяина» городка, который всячески пытается заслужить ее расположение. Жизнь заставляет ее пересмотреть свое отношение к прошлому и — влюбиться в неуклюжего поклонника. Но счастью мешают интриги завистников и взаимное непонимание. И когда их роман начинает развиваться, но тут появляется ее муж Дмитрий Климов, и для Маруси наступает время сделать выбор.

ISBN 978-5-44-850171-5

© Смолина С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Побег	6
Глава 2. Примадонна из медвежьего угла	20
Глава 3. Сезон охоты	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Медвежьи сны

Светлана Смолина

Дизайнер обложки Екатерина Глейзер

© Светлана Смолина, 2017

© Екатерина Глейзер, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0171-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Побег

Как все эти годы, которых набралась целая копилка, ей удавалось балансировать между состоянием «прелесть какая дуручка» и «ужас какая дура», как циркачке под освещенным куполом, он не понимал. Или это сейчас, после ее фортеля, он убедился, что она законченная дура, а раньше была милая и славная девочка? Чудесная, наивная, упрямая и любимая дуручка. Впрочем, давно это было, и даже еще раньше, чем давно. За двадцать лет до аккуратной и пахнущей духами записки, встретившей его в супружеской спальне на ее подушке, как рождественская открытка. Или как эпитафия на смерть их брака. И что это значит: «Димочка, меня не надо искать, я ушла»? Вечер в одночасье перестал быть томным, испоганив воспоминание о коллекционном коньяке.

Как это ушла? Зачем? С кем, наконец, или к кому? Платья на вешалках еле умещаются, батарея обуви не уменьшилась. Драгоценности не взяла, документы и деньги на месте. А жены нет.

Искать или нет, не ей решать. Он сам разберется, не мальчик уже, не в прятки с дворовой девчонкой играет. Ясно, что искать будет и найдет – это даже не вопрос!

С другой стороны, если ушла без скандала, без предыстории, значит, все, тупик, приехали. Была любовь, воспоминания, а она все разом вычеркнула и предала. Жили-были, как в сказке, столько всего повидали, крутились и выживали в голодное время, в смутные годы многоходовки рисовали, на экономическом подъеме замки воздвигали, он – каменные, она – воздушные. Но ведь строили вместе и построили всем назло. Теперь живи в полную силу, отдыхай, пользуйся заслуженными благами. А ей, оказывается, эти блага – как барже кувшинка. Она и записки пишет, потому что боится с глазу на глаз. Конечно, проще сесть на метлу и под покровом ночи смыться на шабаш. Вот узнает, где тот шабаш, всю гору с землей сровняет!

Почему поговорить-то было нельзя? Он что, пень бессловесный? Когда он отказывался ее выслушать? Озвучила бы претензии, обсудили бы все, как люди. Да, впрочем, какие у нее могут быть претензии? Он с первого дня все в дом тащил. Все для семьи, все самое лучшее – ей. Хочешь – поездка в Вегас на Рождество, хочешь – бриллианты россыпью, выбирай, что нравится. На вертолете хотела покататься – зафрахтовал. Шикарный кабриолет прямо с конвейера купил. Что там она выбирала на этот раз ко дню рождения? Круиз по Карибам, черепах на Галапагосских островах погладить? Да не вопрос, пусть будут черепахи, ящерицы, динозавры, любая тварь, лишь бы Машка была довольна.

Он все для нее делал, даже больше, чем все. Потому что они семья, стая, они нужны друг другу. И он всегда об этом помнил, что бы ни случилось, какие бы извилистые дорожки ни уводили его из дома. Он возвращался к ней из любых искушений, из сомнительных передраг, из постелей совершенно невозможных красавиц. А она написала эту чушь про «не ищи» и укатила на своей мурселаго в неизвестном направлении с одной дорожной сумкой, как дешевая секретарша. Впрочем, его секретарши ездят на матизах, а она...

И с чего она решила, что можно забрать мурселаго? Машина записана на жену. Но кто за нее заплатил, кто потакал всем милым женским слабостям к железным коням? У нее за всю семейную жизнь их такой табун набрался, какой иному гонщику не снился. А она их меняла, как маникюр, капризничала. Эта не такая, и на этой не комфортно. Ауди ей скучная, БМВ агрессивная, порше избитый, лотус слишком бондовский, феррари... Ну, пусть будет феррари. И он покупал ей феррари в комплектации, как у Шумахера, только деньги плати. Но феррари ей тоже успевала надоесть за полгода. А нынешней ламборгини еще и трех месяцев нет.

А теперь она ушла. Ну и дура! Ужас какая дура, нисколько не дурочка! Нашла любовника побогаче? Едва ли! Те, что побогаче, малолеткам юбки задирают. А эту, похоже, на молодежь потянуло. Как будто он в тираж вышел. Да у них и разницы-то всего ничего. Семь лет, даже не смешно. Он еще хоть куда мужик, еще поборется за свое счастье. Правда, в последние годы жирком заплыл, спортзал забросил. Даже на охоту больше не ездит. Кстати, надо бы ребятам напомнить про ту таежную делянку, а то засиделись в офисах. А там просторы, сосны стоят стеной, речушка рычит на камнях, как тигрица...

Так, отвлекся! И где ее искать? Или не искать? И кто тот моральный урод, козел блудливый, к которому она ушла от успешного мужа? Неужели один из этих творческих, которые в галерее ошиваются с утра до вечера? Трубадуры от Интернета, прямоходящие приматы с голым задом. У Сашки в прошлом году жена спуталась с инструктором по йоге или по какой-то такой же ерунде. А этой совсем уж неземное подавай. Оно и выглядит как неземное, на мужика не похоже даже в голом виде. Дырявые джинсы, невымытые патлы до задницы, затертый студенческий на метро. Ничего своего за душой, все одолженное и замусоленное. Рухлядь с помойки таскают и в творческом порыве делают из нее эти... слово модное... инсталляции. Он однажды был на их модной выставке, глазу отдохнуть не на чем. А она с ними носится как курица с яйцом. Как-то хотела дома картину повесить. «Перспективный художник, его полотна лет через тридцать будут сотни тысяч евро стоить!» А он только фотографии этой перспективы посмотрел... Хорошо, что до еды, а то бы вырвало! Да пусть хоть миллиарды стоят, он до этой пакости в своем доме, даст бог, не доживет. Даже в гараже под брезентом такое хранить противно. А ей с ее тонкой душевной организацией надо было поддержать талант. Наверняка и денег дает втайне от него.

Да и черт с ними, с деньгами. Хотелось ей меценатствовать – пусть, он же не запрещал. Только с какой стати он должен делить ее с одним из этих невымытых гениев? Это его жена на его машине... Он двадцать лет на ней женат, лучшие свои и ее годы. А тут эта несуразная записка, и вся жизнь псу под хвост!

Осталось узнать, с кем она сбежала, и оторвать ему ноги... Хотя ноги – это меньшее, чего он лишится! А с этой зарвавшейся анархисткой он разведется сразу, как найдет. Разыщет – и к адвокату. Хотя никакого брачного контракта у них нет, все по старинке, а значит, придется делить с ней пополам то, что нажито.

Получается, он горбатился столько лет, чтобы отдать ей половину бизнеса? Она сбежала, а за это ей бонус? Как же! Оставит себе машину, заберет вещи из гардеробной и шкапулку с бирюльками и до свидания! В бабкину однушку. Сто раз ей говорил, что никому эта хрущевская халабуда не нужна, а она уперлась: не продам и все. Пути к отступлению готовила?

Вот, кстати, туда и надо заехать в первую очередь. Едва ли у нее фантазии хватило на что-то более экстремальное. Если только к одному из этих чудиков в подвал не ушла, как подпольщица. В мастерскую, как они гордо именуют свои трущобы в Бирюлево или в Бибирево. В подвале она долго не выдержит. Там сыро и пыльно, и она начнет кашлять и задыхаться по ночам.

Нет, быть не может! Большая любовь на помойке отпадает, если она не совсем спятила. Туберкулез в два счета заработает, и прощайте радости творческого секса на раскладушке между мольбертом и батареей. Ей бы жить на Кипре, где вечное лето. Дом давно куплен, могли бы переехать и горя не знать, а у него все дела.

Ну, дела никуда не денутся, дела остались, а жена сбежала. И официально машину в розыск не подашь, машина на ней. Впрочем, неофициально ее быстро найдут. Такие машины свой век по обочинам не доживают. Спутниковая система, персональный менеджер. Это тебе не на серийной тойоте кататься. Она свою машину не бросит, сама на ТО гоняет, деньги платит, чтобы прямо при ней делали. А куда им деваться? Это она внешне нежное

создание с ангельским взглядом, но если уперлась, то и наорать может, и слезу пустить. И тут проще сделать, чем выпрашивать себе поблажки.

Кто бы мог подумать, Машка и машины... Двадцать лет назад он сам посадил ее за руль. Она была законченная кляча, от страха не то что за дорогой следить, ручку переключения передач нащупать не могла. Он вздыхал, вывозил ее на пустырь, и они наматывали круги вокруг мусорной кучи, задраив окна, чтобы не воняло. Пока однажды собака не перебежала ей дорогу... Уж эти уличные барбосы! В общем, отмывать машину от гниющих овощей и закрашивать царапины ему не понравилось. Он бесился, как бык в загоне, не понимал, зачем ей вообще машина, если любая неожиданность вызывает такую панику. И все сильнее убеждался, что за рулем ей делать нечего. А когда объявил: «Баста и хватить изводить мое и наше время», она вдруг уперлась и заявила, что все равно научится. Не хуже него! Он тогда и злился и смеялся до колик. Не хуже него, когда он мальчишкой сел за руль, без прав, без разрешения отца! Носился по дворам, выкупив у соседа старенькую «копейку». Потом сдал на права с первого раза, потому что ездил лучше всех в группе. После армии заработал себе на москвич. Так хотел машину, что вагоны по ночам разгружал. А дальше понеслось... Одна машина, другая. Уличные гонки, ночные ремонты. Щенок еще был, а как перед девчонками форсил! Когда еще, как не в двадцать два, жить на всю катушку.

А Машка оказалась упорная, как бронетранспортер. Ездила по выходным на бульварное кольцо, пока он отсыпался, осваивалась со знаками, с поворотами, с пешеходами. Он иронизировал месяц, другой, полгода, а она вставала рано утром в воскресенье, как иные на ежедневную пробежку или псину вывести, или в храм на заутреню, и уезжала. А потом в десять забиралась к нему в кровать, счастливая, с брызгами после душа в волосах, и он только ржал, как гаишник: «Доложите нам оперативную обстановку на дорогах!», и, не слушая ответа, целовал ее, куда придется. В этих воскресных пробуждениях самое приятное было обниматься, пока на кухне фыркал кофе в кофеварке, соседи, как дятлы, долбили стены, а она пыталась рассказать, как покаталась. Но он смеялся, утопая в ее волосах, в ее изгибах и впадинках, в ее тепле и уюте. Да как она могла покататься? Она же трусиха, всего боится: машин, людей, собак.

Через год его машина утром не завелась, и она вызвалась отвезти его в аэропорт. Лихо перестраивалась из ряда в ряд, первая рвала со светофоров, не пропустила какого-то прикурка в древней БМВ. Он смотрел на ее счастливый и напряженный профиль, стараясь не показать своего удивления. «Не гоняй, не женское это дело! – предупредил он, выходя на стоянке. – Эйфория первого года никого до добра не довела!» Она, как послушная девочка, согласилась, но не поверила. Однако, вопреки прогнозу, аварии обходили ее стороной. Пока она не видела, он придирчиво осматривал машину. Нет, ничего криминального, ни одной царапины. В конце концов, пришлось признать, что все-таки упрямая девка справилась.

Теперь она никуда не спешила по выходным и будила его по утрам чуть раньше, с теми же самыми брызгами в волосах и счастливыми глазами. И они часами разговаривали о его работе. Разговаривали, когда целоваться уже не было сил, и можно было просто валяться до обеда, чувствуя себя успешным и довольным. Бизнес пошел в гору, дома ждала жена – умница и красавица, и впереди маячили сто лет удачи и благополучия.

А еще через три года она сказала, что никогда не сядет за руль. Не сказала даже – кричала и рыдала у него на плече так, что он опасался за ее ум и свои нервы.

Все дело было в собаке. Собака была такая старая, что сунулась под машину будто специально, чтобы поскорее уйти из жизни. Шел дождь, а она просто шагнула с тротуара под колеса, и Машка не успела затормозить. Да как тут затормозишь, если темно, скорость и асфальт по колено в воде. А уличная псина твердо решила покончить жизнь самоубийством именно под их «девяткой», где за рулем, как назло, была эта любительница всего живого. Он бы сбил и не заметил. Ну, то есть, заметил бы и поехал дальше. За окнами ливень, не то,

что выйти, окно не приоткрыть, салон как из шланга заливает. Он отлично помнил, что курить хотелось страшно, а жена уперлась – не кури, пока дождь не утихнет.

В общем, собака кинулась, машина встала, Машка выскочила в новых туфлях прямо в воду, животину из-под колес тащит. Собака мокрая, как половая тряпка, вся в крови, глаза закатывает. Стоило тронуть – визжит. У Машки глаза, как блюдца, то ли дождь, то ли слезы по щекам. Не знает, как за собаку взяться, чтобы ей не больно было. Пришлось самому выйти, затащить бедолагу на заднее сиденье и везти в клинику. Накрылись планы на вечер, он как чувствовал с утра, что весь день к черту летит. Да если бы только день... Нет, понятно, что живое существо важнее планов. Но если бы он знал, если бы только догадывался... Ни за что бы ее за руль не пустил.

Айболит покопался у собаки в шерсти, уколол, салфетками обложил и выдал, что жить ей все равно оставалось несколько дней от силы, опухоль или пневмония, сейчас уже и не вспомнить. Тут бы Машке успокоиться, а она начала рыдать, что не нам оценивать, сколько кому жить, и что она животину убила и никогда себе этого не простит. И что не нужны ей теперь машины, один вред от них, будет на метро ездить и пешком ходить. И как она на своих шпильках да в шубе за десять штук баксов собралась в метро обтираться? Любому ясно, что это все случайность, погода, такая собачья судьба.

У него голова кругом шла, то ли жену успокаивать, то ли доктора слушать. В общем, собаку пришлось усыпить, не из-за аварии, а чтобы гуманно, по старости. Он расплатился за укол и утилизацию тела, как это называется у айболитов, вызвал такси и увез Марию домой, потому что садиться в их машину, даже не за руль, она наотрез отказалась. Увезти-то увез, а вот успокоить так и не смог.

Это был классический нервный срыв, как объяснили ему потом мозгоправы. Неделя, две недели... Практически случай из учебника. А что ему с той классики? Ему надо было знать, как все это прекратить! Она плакала и плакала и ничего не хотела слушать. Его нервы гудели и рвались, он напивался, орал на подчиненных и уходил спать в кабинет на диван. И все равно даже через подушку и две закрытые двери слышал, как она плачет. Позже, на приеме у модного профессора по нервным болезням, которого рассекретили компаньоны, он узнал, что не собака всему виной. Что нервы у его спокойной и уравновешенной жены расшатаны до предела. «Вы не знаете, отчего ваша супруга такая возбудимая?» – почти ехидно спрашивал профессор каждые десять минут. Вот интересный какой дед! Это его дело диагноз ставить и лечение назначать! Ему-то откуда знать, почему у нее нервы ни к черту! Откуда у нее вообще нервы, если все было хорошо, любовь и взаимопонимание. Они прожили в браке пять лет, она ему каждое утро про любовь говорила и целовала, когда он на работу уходил. А тут этот триллер с суицидальной собакой, и оказалось, что его счастливую и довольную жизнью жену надо класть в институт по нервным болезням, потому что она истощена до крайности и совершенно не в себе.

Что ему пришлось пережить в тот период, Мария не знает, или не помнит, или не хочет знать и помнить. Ее кололи, кормили таблетками, снова кололи и часами с ней разговаривали. О чем разговаривали – он не в курсе, она толком сказать не смогла. Через две недели она перестала быть похожа на себя. Привидение в халате – щеки ввалились, глаза стали еще больше, губы бледные, пальцы истончились до прозрачности. Кажется, возьмешься – и переломятся. Разве такой была его Машка? Она то рыдала, когда он уходил, цеплялась за него как за последнюю надежду, умоляла не запирайте ее в психушке, то на следующий день отказывалась от свидания, говорила, что не хочет его видеть, что вообще все не так и им надо расстаться. Вот так взять и расстаться на ровном месте, из-за собаки, из-за таблеток этих! Он думал, что сам спятит. А потом она вдруг перестала к нему выходить, все через сиделку передавала. А эта рыба стоит, хлопает глазами и слово в слово Машкину истерику повторяет, как отрывки из Гоголя в школе. А он-то в чем виноват? Ну, собака, ну, померла,

царство ей небесное или что там у собак после смерти. Нервный срыв из-за какой-то блохастой шавки – и у него вся жизнь кувырком!

Ведь все было хорошо, по-настоящему хорошо! Он почти и не изменял ей в тот период. Или уже изменял?.. Хотя, да, пожалуй, что уже погуливал. Как посадил ее дома, сказав, что дорожке выходит, когда она возвращается вымотанная с работы, так и начал задерживаться сам. То с друзьями посидеть, то девицу в баре на коктейле раскрутить. Хотя, если начистоту, сдались ему эти девицы, если у него красавица жена на широченной кровати в ослепительном итальянском белье ждет, когда любимый муж вернется. Может, даже ужин приготовит. Она в тот период борщи училась готовить и солянки, которые ему нравились. К поварскому делу у нее тоже талант открылся. Правда, ей зачем-то для борща вдохновение требовалось. Но ему это было все равно, он и в рестораны ее с удовольствием водил, женой хвастался. Волосы у Машки всегда были прямые и длинные, как у русалки, цвета гречишного меда, талия тоненькая, а грудь в ладони еле помещается. А его все равно тянуло на разнообразие. Чертова кобелиная сущность, как мать его говорит. Весь в отца. А когда профессор въедливо так спрашивает: «Есть ли в семье проблемы, может, сложности какие?», то ясно намекает, что не все у них кристально. Какие могут быть проблемы, если она не знает о его развлечениях? Или догадывается? Чует, как зверь, что запах от него не тот, и глаза блестят, и настроение на секс в супружеской постели все реже приходит.

Нет, мало ли какие она себе глупости придумывает. Знать доподлинно не может, так что проблем никаких нет. Нет проблем в семье – и точка! И поэтому откуда у нее срыв, никто так и не догадался. Поискали причину, витаминов с успокоительным накололи, подлечили нервы, как сумели, и выпустили. Вернулась его Машка домой тощая, как спагетти, одни глаза на лице, в глазах – тоска вселенская, будто за все человечество радеет и жизнь кладет. Он ей тогда по глупости новую машину купил, фольксваген джетту, серебряный металлик, не какое-то чудо отечественного автопрома. Она даже взгляд не остановила. Машины – зло. Без обсуждения. Тогда он ничего лучше не придумал, как щенка домой притащить. Она с порога глянула на собаку, побледнела и чуть в обморок не хлопнулась. Пока он ее валерьянкой отпаивал, щенок обмочился в коридоре и сожрал его кожаную перчатку. В тот же вечер отвез щенка друзьям, там напился до чертиков, с кем-то подрался, от кого-то сам в глаз получил. Все равно так лучше, чем придумывать, как ее развлекать.

А как только подвернулась возможность уехать в Европу на полтора месяца, он затопился, собрал вещички и – фьють, как институтка на воды! Правда, жизнь распорядилась иначе, вернулся через три недели, довольный, загорелый, с кучей контрактов и светлыми перспективами, но как только к двери подошел – словно в кому впал. Стоял и боялся открыть. Не хотел ни ее слез, ни тоски в глазах, ни молчаливого кивка невпопад. Бросил сумку у стены, уселся на корточки, как торговец арбузами на рынке, курил одну за другой и все ждал, что за долготерпение ему сверху спустят чудо. Дверь откроется, и на пороге она, родная, красивая, непредсказуемая. Когда в невестах ходила – все друзья изводились, за что ему, обормоту, такое счастье. Часа два он сидел у двери, как бездомный пес, и мечтал, что всех шлюх пошлет побоку и командировки туда же. «Мы же еще поживем с тобой, да, Машка? Мы молодые, мы все сможем вместе». Докурил, полез искать ключи в сумку, и – чудо! Дверь открылась, и на пороге она. Бог ты мой, сколько же он ее не видел! Все еще одни глаза на лице, но какие глаза! Увидела его и сразу на шею бросилась. «Димочка! Как же ты долго не возвращался! Я так тебя ждала! Так ждала!» И не врет, ждала, соскучилась до чертиков, мертвой хваткой вцепилась. А сама такая субтильная, как манекенщица, ребра под пальцами, будто клавиши рояля, обнять страшно! Он ее сгреб в охапку, как букет ромашек, и сразу потащил в спальню, плащик на ходу стянул, запутался пальцами в пуговках на блузке, дернул в раздражении. А она ни слова о своих планах, ведь собиралась же куда-то. Цепляется за него, как мартышка, и целует, целует, словно сто лет не видела. До вечера

он так и не вспомнил, как жрать хотел, пока ехал из аэропорта, а она не вспомнила, куда собралась. Уже в ночи заказали еду с доставкой и даже на кухню не пошли, все в спальне съели. И утром он в офис не поехал. Потому что у него было чудо – его Маруся! Не такая, как до болезни, удивительная, невероятная, какую он только в своих мечтах представлял, хоть и мечтать-то толком не научился.

Что с ней случилось за время его командировки, он не понял, хотя подробно выспрашивал, с пристрастием, буквально по часам. Она рассказала, как рыдала, как неделю вообще не ела, как за руль в первый раз за много месяцев села... Но что изменилось, было неясно. Как будто это она, а не он, на отдыхе побывала.

А может, машина ее спасла. Ее машины всегда спасали, сколько он помнит. Для кого-то машина – железный монстр, так и норовит увезти то в кювет, то такому же неудачнику в бок, а для нее – барокамера, космический корабль, ковер-самолет в поднебесье. Всех пробки бесят, а она улыбается, в окошко смотрит серыми глазами и напевает что-то. Зато мужики вокруг стекла опускают, шеи выворачивают и телефончик просят. Правда, когда его в салоне видят, быстро люки закрывают и переборки задраивают, потому что за такие заигрывания можно и в морду получить. А Машка только смеется и норовит его поцеловать. Всегда так: стоит ему разозлиться – она с поцелуями лезет. Что там у нее в голове перемыкает, разве разберешь!

Вот с тех самых пор, как он понял, что у нее полжизни в машины вложено, он начал покупать ей дорогие авто, а она начала возить его утром на работу или в середине дня, если была свободна, или когда он звонил и предлагал прокатиться. Иногда она даже забирала его из офиса, когда мимо ехала. А когда не забирала, он ездил по бабам или с друзьями встречаться. В тот период он и загулял напропалую, как запойный. А до того – цветочки! Как же его это заводило: жена привозит в ресторан, а оттуда он уже с любовницей отправляется на квартиру, или в отель, или вообще в баню. Черт его знает, чего ему не хватало, адреналиновых впечатлений или гормоны никак не могли уgomониться. И в то время она точно знала, что он гуляет. Находила на его рубашках помаду, необъяснимые чеки из бутиков, счета из дешевых гостиниц. Он ничего не прятал, все на виду. Да, гуляет, но ведь женат на ней, не на девках этих. Другая бы истерики закатывала через день, а она принимала его гулянки как данность. Он понимал, что так неправильно, не должно быть, и в какой-то момент даже разозлился.

– Ты меня не ревнуешь, что ли, Машка?

– А надо?

Надо, конечно, надо. А как иначе? Если не ревнует, значит, не любит, значит, все равно ей, где он и с кем. Зато он ее ревновал – не дай бог никому! Как влюбленный носорог. Однажды друзья заехали, пока он на переговорах застрял, она им кофе налила, посидели, поболтали о жизни, но его так и не дождалась. А он потом весь вечер ее пытал с пристрастием, что ей было за дело до их проблем? Зачем им кофе с чужой женой, когда хозяйина дома нет?

Вместо истерик она только подшучивала над его загулами.

– Ты, Димочка, развлекайся, только никакой заразы домой не приноси!

– А на остальное тебе наплевать?

– Ты же возвращаешься...

– А если не вернусь?

– Тогда кто тебя обратно сможет затащить? Значит, на этом наша любовь кончится...

– То есть ты меня заранее предупреждаешь, что разлюбишь?

– Смешной ты, Димочка. Если ты не вернешься – это ты меня разлюбишь.

– Да как тебя разлюбить, такую...

– Какую?

А он подходящих слов не мог найти. Просто знал, что разлюбить не может, потому что только она одна – его женщина, по-настоящему его. И ей никто не нужен. Но не ревновать все равно не мог. Ведь сегодня она верна, а завтра... Кто знает, сколько вокруг нее окажется героев-любовников, падких на его собственность!

И вот дождался через двадцать лет, когда и предположить не мог. Все же хорошо было, просто замечательно! И тут: «До свидания, Димочка, не ищи!» Разве она сама бы такое придумала? Бросить его без объяснений после двадцати лет счастливого брака... Где теперь ее искать – неясно. А найти необходимо, чтобы, уже глядя в глаза, серьезно спросить: «То есть, как это ты уходишь?», и наорать, в чувство привести, или, может, в постель сразу потащить, потому что он уже и забыл, когда в последний раз спал с ней, со своей Машкой.

Без колебаний она выбрала южное направление. Не к морю, а в маленький городишко, расположенный гораздо южнее столицы, в стороне от основных трасс, гигантских заводов, светских развлечений и правительственных маршрутов. В стороне от жизни, какой ее знала Маруся. Эти городишки умирали медленно и почти безболезненно, как собака, получившая смертельную дозу снотворного. Глаза еще смотрят тебе в глаза, лапы подрагивают, язык тянется к носу, а кровь уже разносит яд по венам и зрачки мутнеют. Опять она думает о собаках! Нет, городки просто ветшали, приходили в упадок, как провинциальная барышня, в юности вывезенная родителями в столицу на бал, не нашедшая на скромное приданое достойного ловца и вынужденная коротать девичий век в родительском доме за сотни верст от надежд своей молодости. И вдруг она совсем уже не барышня, и мало кто может узнать в этом осеннем увядании нежные майские бутоны.

Чтобы найти въезд в город, ей пришлось плутать узкими дорогами с плохим покрытием, и мурселаго, обиженно подрагивая на неровностях, неохотно катилась прочь от федеральной трассы, словно подозревая, какое испытание ее ждет. На столбе висел указатель с названием населенного пункта, под ним расположилась «девятка» с красно-синими огнями на крыше, и пока мурселаго, сверкая спицами, входила в поворот, румяный гаишник сглатывал слюну, усилием воли подтягивая нижнюю челюсть вверх.

Никогда раньше президентские кортежи, царские кареты и космические корабли из голливудских сериалов не заплывали в этот медвежий угол. Забыв об атрибутах власти и магическом жезле, который работал эффективнее иной волшебной палочки, он смотрел, как мурселаго, упрямясь, как арабский скакун на ярмарочном родео, втаскивала в город серебристо-черное тело. А когда итальянская мечта замерла, опустила тонированное стекло и спросила: «Как проехать к начальнику ГАИ?», лейтенант Лазейкин решил, что сходит с ума от жары, и потер пухлой рукой вспотевшее лицо. К его окончательному ужасу машина взмахнула крылом и из нее вышла миловидная женщина. Самая обыкновенная, среднего роста, в коротких легкомысленных кремовых брючках, в обтягивающей маечке, с копной русых волос, собранных заколкой, и направилась к нему. Машина негромко урчала, как цирковой лев позади дрессировщика, нагоняя благоговейный ужас на зрителей.

– Мне нужно проехать в ГАИ.

– Что-то случилось? – выдавил лейтенант Лазейкин, проглотив полный рот слюны, чтобы та не потекла по трем его подбородкам. – Я могу помочь?

– Помочь можете, если расскажете дорогу, – улыбнулась владелица космического корабля.

И он, пожирая глазами необыкновенного грифона, поднявшего крыло в приветствии, принялся сбивчиво объяснять, как попасть в родную контору.

– Проводите меня, уважаемый! – взмолилась женщина, не понявшая из его объяснений и половины. – Я потеряюсь в этих ваших налево и направо и разобью подвеску.

Он бросил свой пост, включил «люстру» и зачем-то сирену и поехал очень медленно, шадя идущий сзади шедевр итальянского дизайнерского бюро, по возможности выбирая дороги без ям и трещин. Когда они остановились возле пункта назначения, она благодарно помахала провожатому и в сопровождении изумленных взглядов подошла к дежурному.

– Мне нужен начальник.

– Начальник смены? – уточнил усатый мальчишка в форме и низко надвинутой фуражке. – По какому вопросу?

– Начальник ГАИ. По личному.

Он взглянул на нее с непониманием и забормотал, что по личным вопросам начальник население не принимает. Но Маруся оперлась локтями о стойку и с серьезным видом заглянула дежурному под лаковый козырек.

– Начнем с того, что я не население. И у меня есть предложение, от которого он не сможет отказаться.

Ее позабавило процитировать «Крестного отца», зная, что парень даже не догадывается, о чем речь. То ли ее внимательный взгляд, то ли загадочная фраза возымели действие, но спустя минуту она уже стояла перед рассекреченной дверью на третьем этаже.

По сложившейся в столице традиции даже рядовые гаишники были дородными мужчинами, а уж начальники и подавно, однако в кабинете сидел высокий тощий человек с изможденным лицом язвенника.

– Что вам? – нахмурился он, окинув ее рассеянным взглядом.

– У меня есть к вам предложение, – энергично начала Маруся, но осеклась и шутить с властью не стала. – Я хочу продать свою машину понимающему человеку.

– Это в газету.

– Не могу, – сокрушенно посетовала она. – Через газету ее не купят.

– А мне какое дело? Продавайте, где хотите.

– Потому что вы – заинтересованное лицо.

Заинтересованное лицо почти перестало быть изможденным и стало слегка заинтригованным.

– В чем?

– Помочь мне выгодно ее продать. Потому что купить ее может только один человек в городе. С выгодой для меня и для себя. Вот он-то мне и нужен, но я не знаю, как на него выйти, а вы знаете.

– И кто этот человек? – все еще недоумевал полковник милиции.

– Понятия не имею, – легкомысленно улыбнулась Маруся, вызвав приступ язвенного раздражения у большого начальника за столом. – Я приезжая и никого здесь не знаю.

– Послушайте, дамочка!..

– Мария Климова, – представилась она. – Я хотела сказать, что в каждом городе есть человек, который им владеет. Иногда это мэр, чаще – авторитетная фигура в тени. Вы лучше всех знаете, кто тут хозяин, поэтому я пришла к вам.

– Так... – задумчиво протянул гаишник, оценив глубину ее познаний о мировой иерархии, и посмотрел с интересом. – И что это за машина?

Маруся кивнула в сторону окна. Возле подоконника он молчал так долго, будто его разбил внезапный столбняк.

– Ламборгини мурселаго кабриолет? – наконец уточнил он и от трудных иностранных слов с натугой покашлял.

– Приятно встретить понимающего человека так далеко от столицы, – засияла Маруся, выглядывая на улицу из-за костлявого плеча.

– В угоне? – внезапно осознал полковник и пригвоздил мошенницу к полу неподкупным взглядом.

– Господь с вами! Она была моей уже на конвейере.

Он как-то сразу поверил, покивал с суровым выражением на медленно оттаивающем лице.

– А почему продаете?

– Обстоятельства, – в тон ему сухо пояснила женщина и вернулась на просительский стул.

– И сколько вы за нее хотите?

– Сушие пустяки, – небрежно сказала Маруся и посмотрела в пол. – Однокомнатную квартиру в хорошем доме, что-нибудь на колесах, вроде хонды прелюд, и пятьдесят тысяч евро, двадцать из которых ваши.

– Шутите?

– Да разве дорого?! Мурселаго всего три месяца в России, пробега меньше пятнадцати тысяч. Неужели здесь нет человека, способного взять эксклюзив? Их выпущено по всему миру чуть больше четырех тысяч. Она же стоит...

– Поищем! – перебил он, не желая услышать астрономическое число, превышающее стоимость всех машин в его городе.

– Хорошо, – покладисто согласилась Маруся. – И еще мне нужна гостиница и охраняемая стоянка.

– А вот с этим у нас туго, Мария Климова. Гостиница на ремонте, а охраняемых стоянок у нас не водится.

– Тогда ваша задача усложняется. Продать машину и найти жилье надо уже сегодня, потому что ехать мне некуда, – лучезарно улыбнулась она и пожалала плечами.

Внезапно перейдя на панибратский тон, начальник указал на дверь:

– Подожди там, я позову.

Она с пониманием отнеслась к условиям конфиденциальности и в коридоре присела на низенькую кушетку, какие стоят в приемном покое в больнице. Ее ожидание затянулось почти на полчаса, и она уже начала клевать носом, когда волшебная дверь в светлое будущее растворилась и унылый голос позвал:

– Заходите. Покупатель скоро приедет.

«Скоро» в этом городе оказалось действительно скорым, не таким, как в Москве, где «скоро» – это время между двумя часами и полным рабочим днем. Или парой недель, если вопрос не касался жизни и смерти.

Покупатель ее космического корабля приехал не один. Их было двое, и если бы не легкая одышка и редяющие волосы на крупной медвежьей голове с непроницаемыми глазами, она бы сочла, что мужчины родные братья, а не отец и сын. Тот, что моложе, несерьезно бросился к окну, не в силах оторваться от созерцания четырехколесной красоты, а второй остановил на Марусе тяжелый взгляд.

– Что ты хочешь за машину?

Она повторила схему обмена эксклюзивного авто на скучную жизнь в захолустном городишке, уверенная, что он уже сто раз все обдумал и принял решение.

– И с чего ты взяла, что кому-то нужна твоя тачка?

– Я уже вижу, что кое-кому она нужна.

Очаровательная Марусина улыбка скользнула к окну и вернулась к хозяину города, потихоньку затухая, как изображение на экране старого лампового телевизора.

– И ты решила, что мы ее купим, а не возьмем просто так?

– Просто так? – Маруся старательно наморщила лоб, но тут же сообразила, что ее испытывают, и приняла игру. – Сейчас не лихие девяностые. Люди научились договариваться культурно.

– В девяностые ты под стол пешком ходила, пока братва на шестисотых договаривалась с народом, – усмехнулся одними губами мужчина.

– Вы мне льстите, – сказала она, охватив одной кокетливой улыбкой сразу двух мужчин. – В то время я уже давно вышла из-под стола.

– Вечер воспоминаний устроим после сделки. – Мужчина удобнее устроился на стуле и сложил на груди руки. – Так что с машиной?

– Есть еще одно условие. – Маруся покрутила на пальце обручальное кольцо и взяла эффектную паузу, заставив троих оппонентов занервничать. – Даже не одно.

– Не расходуя мое время, – не выдержал хозяин. – Я могу и передумать.

– Мурселаго не должна засветиться в базе и на дорогах Московской области.

– Обиженный муж? – понимающе кивнул покупатель.

– Почему же обиженный! – улыбнулась она, вдруг поняв, что может расслабиться. – Со связями в столичном регионе. И если он появится здесь, всем не понравится.

– Мы у себя дома! – На этот раз в холодных глазах промелькнуло подобие улыбки. – А кто защитит тебя?

– Он приедет не воевать, а вернуть свою собственность.

– Тебя или машину? – уточнил хозяин, и Маруся вспыхнула, как сигнальная лампочка.

– Я совсем не...

– Ты хочешь ее? – Обратился хозяин к сыну, не сводя глаз с пылающего лица женщины. – Ты согласен на эти условия?

– Конечно!

– Машина твоя. – Он бросил на стол увесистый пакет, сверху накрыл его связкой ключей. – Квартира в центре, мебель и все дела. Уборщица уже чистит, потому что этот герой там с бабами гулял неделю. – Он кивнул в сторону помрачневшего сына. – Хонды нет. Заберешь его ауди ТТ.

– Ауди хорошая машина, – вежливо поддакнула она.

– Добро! – Мужчина поднялся, сунув руки в карманы брюк. – У меня тоже есть условия. Слушай внимательно, чтобы потом не хвататься за сердце. Все договоренности останутся между нами. Ты теперь в моей юрисдикции и будешь жить по правилам моего города, а московские замашки оставишь в ламборгини под ковриком. Город подчиняется мне. Если я сказал: «Спать!» – все спят, если я сказал: «Праздник!» – все пьют и танцуют.

– Я понимаю, – с неподдельным уважением ответила Маруся. – Так и должно быть.

Он одобрительно кивнул и расправил плечи, сделавшись еще значительнее и опаснее, как вставший на дыбы медведь.

– А теперь скажи, что ты собираешься делать в моем городе?

– Петь! – неожиданно для себя выпалила Маруся и рассеянно посмотрела за окно. – Я буду петь.

– Даже когда я приказал спать? – нахмурился хозяин.

– Когда весь город уснет, – подыграла ему Маруся, – я готова петь в лучшем ресторане для тех, кому позволено жить вне правил.

– Только мне позволено жить вне правил!

Он повысил голос, вздернул тяжелый подбородок, и отчаянная дамочка дипломатично улыбнулась в ответ.

– Значит, я буду петь для вас.

Двое свидетелей этого диалога перекинулись понимающими взглядами, как будто знали больше, чем могли себе позволить. Маруся насторожилась, но хозяин не заметил возникшего напряжения, как-то потеплел и перестал походить на разбуженного посреди зимы властелина лесов.

– Ты хочешь работать на меня? – хмыкнул он и поднял бровь. – Почему ты решила, что мне это интересно?

– Да я... – растерялась Маруся и вдруг нашла неоспоримый аргумент: – Вы же еще не слышали, как я пою.

Именно тогда Димка Климов и влюбился, как последний школяр. Стоило ей взять гитару и среди сигаретного дыма, взвизгиваний девчонок, которых безбожно тискали под столом, и пьяных тостов завести романс, он попал в сети ее голоса и уже не смог вырваться обратно.

«Целую ночь соловей нам насвистывал, / Город молчал и молчали дома, / Белой акации гроздь душистые, / Ночь напролет нас сводили с ума».

До диплома Марусе оставалось полгода, и до цветущей акации не меньше, и до соловьев в университетских кустах сирени, и до немислимой ночи после свадьбы, воспоминание о которой сводило его с ума много лет. А тогда она просто пела, пятикурсница на шаткой табуретке на другом конце стола, с длинным хвостом пшеничного цвета, серыми глазами и улыбочивыми губами, которые словно стеснялись этих внезапных улыбок и опускали уголки вниз, когда глаза ловили заинтересованный взгляд. Она пела и про две гитары, и про то, как он не любил, и про золотую рощу, и про ямщика. И Димка знал, что сегодня эта девчонка уйдет с ним, с кем бы она ни пришла.

Так и случилось. Они бродили по хрустящему снегу на смотровой площадке, она дышала на озябшие пальцы и терла щеки несуразными лохматыми варежками. А ему даже в голову не пришло везти ее к Петьке в пустующую хату или зажать в подъезде возле теплой батареи, чтобы под полосатым свитером трогать нахальными пальцами соблазнительную грудь. Она была не из тех, которым он покупал мороженое в дешевых кафе и кого приручал на вечеринках в профессорской квартире верного друга. Она пела, а ему хотелось плакать и держать ее за руку, и он бы так и делал, если бы она могла аккомпанировать себе одной рукой. Голос у нее был низкий и глубокий, сильный и в то же время осторожный, и казалось, что она, подобно лесной фее, играючи шла по звукам, как по струнам арфы.

Потом она сдавала госэкзамены, и он места себе не находил, когда она дневала и ночевала в библиотеке или у подружки. Ему необходимо было видеть ее все время, каждый день. Слушать, как она смеется, как напевает какой-то глупый шлягер, как говорит: «Ах, Димочка, я ужасно, ужасно, невозможно занята! Еще пять минут, и убегу!» И никуда не бежала. Смотрела на него восхищенными глазами, прятала виноватую улыбку и тянула весь вечер в пиццерию за бассейном «Чайка» бокал Кьянти, пока он успевал уговорить целую бутылку.

Зато спустя пять недель она сама его поцеловала. Он нашел машинистку для ее дипломной работы и взял на себя расходы. Вот тогда впервые она поднялась на цыпочки и чмокнула его в щеку. «Какой ты милый, Димочка, и заботливый! Никогда этого не забуду!» И «милый Димочка», которого большинство знакомых считали изрядным сукиным сыном, покраснел и смутился. А на следующий день при встрече она поцеловала его снова, уже как старого знакомого, и при прощании тоже попыталась. Но он уклонился от дружеского поцелуя и подставил ждущие губы.

Эта была первая ночь, которую они провели еще без соловьев, но уже целуясь, как взрослые, и она позволяла трогать себя через одежду, а ему и этого было достаточно для счастья. Едва на улице потеплело, он похищал ее из дома в субботу, увозил в лес и слушал, как она поет только для него. И соловьи тоже слушали и даже иногда подпевали, а он не смел рта раскрыть, хотя знал все ее песни наизусть. Так все и было, она оказалась лесной феей, крохотным крылатым эльфом, солнечным зайчиком на корпусе гитары.

В лесу он впервые признался, что любит ее с той зимней ночи в студенческом общежитии. Проямлил тихо и неуклюже, спотыкаясь на словах, как молодой бычок на вспаханном

поле, ругая себя за косноязычие. А она вдруг посерьезнела: «А я полюбила тебя в прошлом году, только ты меня не замечал». И он понял, что всегда будет отставать от нее на шаг или больше, потому что она не боялась любить того, кто даже не знал, что она живет на свете.

Зато теперь она смелая! Нацарапала несколько слов и сбежала. Даже гитару свою не забрала. Забыла его подарок на десятилетнюю годовщину свадьбы, а песни увезла, и свой голос и его молодость умыкнула черт знает куда. Лучше бы захватила воспоминания и сердце, которое теперь ноет и ноет, как подумаешь, что она где-то поет другому мужчине и смотрит в глаза с виноватой улыбкой. А потом целует и шепчет на ухо: «Как же я соскучилась! Где ты был все это время? Я ждала... ждала...»

– Тогда завтра и споешь! – тоном, не терпящим возражений, потребовал хозяин города и обернулся к полковнику. – Звони нотариусу, будем машины оформлять и с квартирой разбираться.

Уходя из кабинета начальника ГАИ с наполовину опустевшим пакетом, ключами от квартиры и от красной ауди, она обернулась в дверях.

– Петр Евгеньевич, у меня к вам еще одна маленькая просьба.

– Что? – раздраженно спросил полковник, желая поскорее остаться наедине с банковскими билетами европейского сообщества.

– Мне нужен абонемент.

– Куда?

– Не куда, а на что, – поправила его посетительница. – Я, видите ли... езжу быстро. И если ваши архаровцы иногда смогут делать вид, что меня просто нет на дороге... Это ведь не сложно устроить? Других правил я не нарушаю, просто люблю скорость. Вы понимаете?

– Придумаем что-нибудь! – рассеянно буркнул тот и сделал знак, чтобы она освободила кабинет.

Маруся закрыла дверь и, не обращая внимания на отца и сына, с глубоким облегчением выдохнула.

– Вот и все!

– Все только начинается! – обнадежил ее новый работодатель и обернулся к счастливому владельцу серебристого грифона. – Дуй к своей кобылке. Загорелось ему машину купить... балбесу малолетнему!

– Он сделал хороший выбор! – заметила Маруся вслед «малолетнему балбесу», которому на вид было около тридцати.

– Его выбор сделал я, – сурово возразил мужчина. – А тебя завтра жду на прослушивание. Посмотрим, как и что ты умеешь. Кстати, за углом неплохая забегаловка. Поешь, пока тетка у тебя дома порядок наводит.

– Ладно! – согласилась она, чувствуя, что усталость неожиданно подмяла ее под себя, как свалившийся с крыши сугроб. – Поем и поеду домой.

– Ну да, домой! – усмехнулся он и посмотрел внимательно и как будто с тревогой. – Устала с дороги?

И вдруг стал так похож на ее Димочку, что даже сердце защемило. Муж тоже внезапно переключал тему разговора и спрашивал: «Устала?» и тут же, не принимая возражений, отправлял ее в постель.

– Нет! – бодро сказала она и отвернулась, скрывая заблестевшие слезами глаза. – Только есть хочется.

– Ну, иди, – милостиво отпустил он. – Там скажут, чтобы тебя хорошо покормили.

Она не успела удивиться, как рядом вырос здоровенный детина, почти улавливающий ультразвук, исходящий от шефа. Хозяин коротко кивнул и что-то сказал. Выражение лица у детины осталось прежним, зато включилась функция охраны. Он закрутил головой, как

робокон, и двинулся за Марусей, будто на привязи. Но возле кафе опередил ее, открыл дверь, пропустил внутрь и, протиснувшись в узкие двери, профессионально оттеснил к угловому столику, а сам, поймав за плечо официанта, начал что-то втолковывать ему шепотом. Официант кивнул, косясь лошадиным глазом на гостью, и, не потрудившись принести меню, исчез на кухне. А охранник убедился, что женщина пристроена, и расположился у стойки бара, раз в три минуты, как запрограммированный, поворачивая голову в сторону неприметного столика.

Через полчаса около ее ауди обнаружилась собака. Ей редко приходилось видеть дворовых собак такого размера. Высокая, как дог, с широченной грудью и тяжелой квадратной мордой, увенчанной непропорционально маленькими ушами, она, тем не менее, приветливо улыбалась. Короткая палевая шерсть была покрыта пыльным серым налетом, на одном ухе клипсой болтался репейник. Маруся в ответ нахмурилась и огляделась по сторонам, ища пути обхода неожиданного препятствия.

– Я не умею ладить с собаками, – осторожно намекнула Маруся и на всякий случай попятилась за спину охраннику. – Можете ее отогнать?

– Это Филька, добрейшая душа! – впервые подал признаки человеческой, не роботизированной, жизни охранник и тоже растянул плоские губы в подобии улыбки. – Он знает машину. Сергей Дмитриевич ему иногда поесть выносил.

– Сергей Дмитриевич? – переспросила она, косясь на огромный розовый язык размером с походный котелок, вываленный из добродушной Филькиной пасти. – Я рада, конечно... Но пусть он уйдет.

– Филь, не будет ничего, иди. – Пес помотал лобастой башкой, не соглашаясь с таким развитием событий, и не тронулся с места, а охранник развел руками. – Он не уйдет, он котлету хочет.

– Я тоже фуагра хочу и устриц, – пробормотала балованная столичная штучка и вопрошительно посмотрела на сопровождающего, как будто тот мог быстренько сгонять за котлетой и за фуагра для них обоих. – И что будем делать?

– Он вас не тронет, он добрый, просто упрямый. Если раньше получал котлету, то думает, что так будет всегда.

– Все когда-то заканчивается, – вздохнула о своем Маруся.

Пока охранник уговаривал Фильку, выразительно роняющего слюни на асфальт, она осторожно обошла машину и приблизилась к водительской двери, поражаясь габаритам собаки. Однако Филька был хоть и из простых, но не дурак. Послушав вполуха заискивающий монолог мужчины, он потянулся и, не без труда развернувшись между машинами, обратил морду к женщине. Теперь бессовестная пасть откровенно смеялась. И ей подумалось, что если пес встанет на задние лапы, то будет на пару голов выше.

– Филимон или как там тебя, – официально обратилась к нему Маруся, отступив назад, – мне надо за руль, отойди.

– Давайте я куплю котлету, – сообразил охранник. – Он все равно не уйдет, пока не поест.

– Как тебе не стыдно, – сказала Маруся в карие глаза пса. – Ты шантажист и вымогатель. Просил бы уж будку утепленную, трехразовое питание и ошейник со стразами.

Филька с неестественным вниманием слушал ее обличительный монолог, прислонившись пыльным боком к машине и слегка помахивая хвостом, отчего кузов красной ауди отзывался глухим «бум-бум», словно за углом били в тамтамы, предупреждая о грядущей опасности.

– Филь, Филь, Филь, – позвал охранник, но тот, глядя женщине в глаза, и ухом не повел, словно теплая котлета не распространяла неземной запах мяса и чеснока. – Он хочет, чтобы

вы дали ему котлету, – догадался охранник и ткнул ей в руки сверток. – У меня не возьмет, упрямый черт!

– Ну, ты даешь, парень! – вздохнула Маруся, и оба, человек и пес, посмотрели на нее вопросительно, и протянула на ладони пакет. – Ешь и освободи дверцу, террорист лохматый.

Пес вздохнул, считая оскорбление незаслуженным, однако облизнулся, осторожно зацепил зубами котлету, не тронув пакет, и подался назад. Женщина не замедлила воспользоваться удачной диспозицией и в два счета оказалась за рулем. Ауди, рыкнув для устрашения, выскочила со стоянки, и в зеркало заднего вида стало видно, как террорист Филька потрусил вдоль бордюра за уезжающей машиной. Маруся плавно выжала акселератор и со злорадством в считанные секунды оставила собаку далеко позади.

Студия на третьем этаже элитного дома даже по меркам Москвы была достойной. Метраж не подвел, окна выходили в городской парк. И ремонт когда-то был уровня евро, да предыдущий хозяин постарался «обжить» помещение на свой разгульный лад. Впрочем, сантехника и кухня были отдраены до блеска, полы вымыты, пыль вытерта. «Ну, будем считать, что я в гостинице. Жила же в разных гостиницах, не впервой! – утешила себя Маруся и опустила сумку в кресло. – Только я там с Димкой жила. Какая разница, где жить, если с Димкой!» Невольные слезы навернулись на глаза, впервые с того момента, как она вышла из дома с отчаянной решимостью никогда больше не возвращаться в Москву. Маруся сдержанно всхлипнула и тут же дала волю чувствам. Слезы лились ручьем, и она редела белугой над своей неудавшейся судьбой. Спустя час она устала плакать, поискала полотенце, налила горячую ванну с шапкой пены и, передохнув, продолжила реветь от жалости к себе. Когда вода остыла, ей ненадолго полегчало. Но следующая волна самобичевания и тоски накатила ближе к полуночи, когда, сидя перед пафосным кабельным каналом, она представляла, что делает муж в ее отсутствие. Хотелось думать, что он обзванивает друзей и знакомых, милицию, ГАИ, больницы или даже морги, пытаясь выяснить, куда исчезла жена, но вероятность этого после оставленной записки была ничтожно мала. Скорее всего, пьет в ресторане и тискает очередную покорительницу ветреных мужских сердец. Маруся, переключив телевизор на мультики, забралась под одеяло с головой. Дело было сделано и плакать было поздно, нецелесообразно, как сказал бы Климов. Если не можешь ничего изменить, нечего переживать и убиваться. Если можешь – меняй. Она изменила единственное, что было в ее силах в последние годы, – окончательно разрушила свою прежнюю жизнь.

Следующее утро Марии Климовой, в девичестве Авериной, предстояло встретить в глухом медвежьем углу без родных и друзей, в незнакомой квартире, с серийной машиной под окном, в полной пустоте и бессмысленности. Маруся в последний раз всхлипнула и уснула без сновидений.

Глава 2. Примадонна из медвежьего угла

Из-за позднего отбоя подъем через четыре часа был похож на армейскую побудку. Хорошо поставленный сержантский голос над ухом пророкотал: «К вам гости, господа!», и она подорвалась с кровати как укушенная. Звонок, помолчав, повторил приветствие еще дважды, и Маруся, путаясь в рукавах чужого банного халата, побрела открывать. Будильники и дверные звонки, вторгавшиеся в ее ночной мир, она ненавидела каждой клеточкой души.

– Пройти дашь? – бесцеремонно спросил нарисовавшийся на пороге хозяин, с усмешкой осмотрев заспанную женщину, и отодвинул ее с дороги. – И не стой на сквозняке босиком, простудишься и петь не сможешь.

– Петь? – Она с изумлением посмотрела в спину мужчине, чье имя силилась вспомнить, но никак не могла, потом на охранника за дверь. – Зачем петь?

Но охранник пожал плечами и с мрачным лицом остался в коридоре, ограждая хозяина от потенциальной опасности, и Маруся, помедлив, закрыла дверь и поплелась за гостем.

– Ну, кофе сварить? И что у нас на завтрак?

– На завтрак... – растерялась она, глядя в пустой холодильник. – Я ничего не успела купить.

Она обнаружила в шкафчике кофе и стала загружать кофеварку, чувствуя неловкость под его неотступным взглядом. Рукава халата были слишком широкие и мешались, и она все время нервно поддегивала их вверх.

– Поди сюда! – Маруся сжалась от резкого окрика и нерешительно подалась в сторону гостя. – Я не кусаюсь.

Она подошла и остановилась на почтительном расстоянии, почувствовав негромкий запах его одеколona и сигарет. Но хозяин подтянул ее за руку еще ближе и без лишних слов взялся закатывать рукава халата.

– Как маленькая, – по-отцовски ворчал он, затягивая на ней пояс. – И двигаться не умеешь.

Марусе это замечание показалось ужасно обидным, она шмыгнула носом и вернулась к кофеварке, стараясь сдержаться и не заплакать. Мало ей своих проблем... Еще этот тип вломился в дом в семь утра, требует кофе, критикует не по делу. Кто его звал-то?

– Не злись! – словно прочитав ее мысли, потребовал мужчина. – Мы с тобой теперь повязаны. Я зашел посмотреть, как ты разместилась.

– Спасибо! – неискренне пробурчала она.

– Нечего было реветь полночи.

– Я не редела.

– Врать ты не мастерица, это радует. А петь умеешь или только в ванной, как все?

– Послушайте, Дмитрий... не помню вашего отчества, – начала она, и он напомнил, прищурившись и сосредоточившись на ее злом лице. – Дмитрий Алексеевич, точно! Мы с вами недостаточно близко знакомы, чтобы я позволяла разговаривать со мной в подобном тоне. И почему вы мне тыкаете? И все время сомневаетесь в моих словах. А я вовсе не обязана...

– Что-то ты слишком быстро взялась бунтовать на моем корабле, – прервал ее мужчина и отхлебнул из чашки. – Много чести звать тебя по отчеству, Мария Батьковна!

– У нас не такая большая разница в возрасте.

– Может, и небольшая. Да только меня есть за что уважать, а ты пока никто!

– Я человек! – возмутилась она, еще не до конца осознав, что мир вокруг изменился и ей придется приспособливаться.

– За это не уважают. – От его безапелляционности Маруся распахнула изумленные глаза и не нашлась, что ответить. – Человеков много, но с вашими мелкими делишками... Чего ты в жизни достигла, чтобы я тебя уважал? – Она поджала губы и взялась двумя руками за кружку, демонстрируя обиду и нежелание продолжать диалог. – Вот именно! – утвердился в своей мысли он. – Ты пока никто. Станешь кем-то – начну уважать. И по отчеству звать, если заслужишь. Кстати, как твое отчество, напомни?

Она мотнула головой и ничего не ответила, а он не стал настаивать, и следующие несколько минут они пили кофе в полном молчании, хотя она отчетливо слышала, как в его кармане беззвучно бился мобильный телефон.

– Пепельницу подай, – потребовал мужчина, указав на подоконник, и она покорно побрела к окну, прихватив заодно и зажигалку. – Так какой у тебя репертуар?

– Я пою романсы, эстраду, арии из итальянских опер.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Мои люди любят шансон. Это же ресторан, а не Кремлевский дворец. Они хотят «Мурку» и «Извозчика». Учи слова.

– Это вообще не песни, – скривилась Мария Климова, с отличием окончившая музыкальную школу по классу фортепиано, посещавшая хор в университете, радовавшая своим исполнением мужа и друзей по праздникам и без.

– Однако же «Мурку» ты выучишь, – с нажимом повторил Дмитрий Алексеевич и с удовольствием затянулся сигаретой. – Врачи говорят, что до завтрака курить вредно, а ты даже бутерброда к столу не подала. Кофе с сигаретой по утрам – верная смерть. Ты меня убить задумала?

Она посмотрела исподлобья в его лицо, неожиданно осветившееся смехом, и промолчала. Почему мужчины считают, что ею можно командовать, как оловянным солдатиком из игрушечной армии: кофе свари, пепельницу подай, встань на табуретку и спой, рубашку погладь, приезжай за мной в офис к восемнадцати тридцати...

– Сними халат, – прозвучала следующая команда, и Маруся от такой бесцеремонности чуть не захлебнулась.

– Да вы что! На стриптиз я не подписывалась!

– Я посмотреть хочу. – Он без эмоций проигнорировал ее возмущение. – Если стесняешься, можешь надеть красивую рубашонку, но чтобы по фигуре, а не мешок с рукавами.

– Послушайте, это переходит всякие границы... – пыталась возражать она, но он грохнул кулаком по столу так, что полная сахарница подскочила на месте, а чайная ложечка трусливо сбежала под стол.

– Делай, что я сказал! Я не намерен тратить время зря. Не хочешь прикрыть свои прелести, снимай халат здесь.

Маруся в отчаянии оттолкнула кружку и ушла в комнату, отгороженную от кухни стеной. Покопавшись в комод, достала ночную рубашку, слишком прозрачную для демонстрации постороннему человеку, и, распустив волосы, вернулась на кухню. Ни один мускул не дрогнул в его лице, когда белокожая русалка в короткой кружевной рубашке цвета вечернего моря с серебром, с копной пшеничных волос почти до талии и туфлях на высоченном каблуке остановилась в двух шагах от стола.

– Туфли и волосы лишние, – бесстрастно заметил он. – Ты не на подиуме в Милане. Или надеешься меня соблазнить? – Она вспыхнула, представив, как выглядит со стороны, и постаралась руками прикрыть грудь. – А теперь прятаться совсем уж глупо. Волосы заколи и туфли сними.

Он продолжал командовать, как ни в чем не бывало, и она смирилась, сошла с каблуков, как с Олимпа, и дрожащими пальцами принялась собирать непослушные пряди.

– Ладно, оставь. – Он сжалился и стал осматривать ее, как скаковую лошадь, заставляя пройти по теплой плитке туда и обратно, повернуться, снова пройти. – Все, я понял.

Можешь одеваться, – заявил Дмитрий Алексеевич докторским тоном, но протестующая в душе Маруся уселась на стул, закинула ногу на ногу и взялась за остывший кофе. – Или тебе понравилось бегать голышом?

– Я в своем доме! – неубедительно вспылила она. – Надо будет, все сниму.

– Когда станет очень надо – позвони! – расхохотался он, снова вогнав ее в краску. – Я тебе помощника в этом деле найду.

– Ну и шутки у вас!

– Извини, мы в столицах не проживаем, вашим светским манерам не обучены.

Он взял нарочито деревенский тон и пялился на ее грудь, завуалированную тонким кружевом, а Маруся старательно прикрывалась локтем и натягивала непослушный шелк на голые колени.

– Значит, в восемь в ресторан и приезжай.

– Но там уже соберется публика...

– А ты думала, я буду дома колыбельные слушать? Пусть народ решает, нужна им столичная примадонна или нет. Не подойдешь – возьму официанткой, а то Ленка скоро в декрет уйдет, ей уже тяжело подносы таскать. У нас тут с работой туго. Либо на завод иди, либо спонсора ищи. Спонсоры таких, как ты, любят. – Он поднялся, но продолжал смотреть сквозь ее кружева, и Маруся не решилась уточнить, каких таких любят спонсоры. – Так что пусть народ определяется с твоей карьерой.

– Демократия в отдельно взятом городе! – не удержалась от сарказма Маруся, выходя вслед за ним в прихожую.

– Язык придержи! – огрызнулся мужчина, заставив ее вздрогнуть. – Это у вас в Москве демократия, мэр со всеми подряд советуется, референдумы проводят. А у нас все по-простому. Как я сказал, так и будет. Понравишься мне – возьму. Не понравилась... – Он угрожающе не закончил фразу, окинул ее беспощадным звериным взглядом, и Маруся переступила голыми ногами по полу, отодвинувшись на безопасное расстояние. – Платье пришло после обеда, примеришь. Будешь одеваться, как нормальная шансонетка.

– Как Наталья Медведева?

Она была уверена, что неотесанный медведь в дорогом костюме не имеет ни малейшего представления о французском шансоне.

– Как Медведева не сможешь. Ни статью, ни голосом не вышла, это я и без прослушивания вижу, – отрезал он и распахнул входную дверь.

Охранник с изумлением воззрился на полуобнаженную фигуру за спиной шефа, и его слегка отвисшая челюсть неожиданно позабавила Марусю и разозлила хозяина.

– Чего ты вылупился, как баран? Не про тебя девка! К лифту шагай, терминатор хренов! А ты, – он с угрозой обернулся к прелестнице, замершей на пороге квартиры, – в порядок себя приведи, и никаких душевных переживаний сегодня. Чтобы вечером в голосе была. И улыбайся, улыбайся, не на похороны собралась!

Маруся вымученно оскалилась ему в спину и захлопнула тяжелую дверь, прислонилась к ней закованными лопатками и сползла на пол. Работа у нее почти есть, отношения «я начальник, ты дурак» они прояснили и все точки над всеми буквами расставили, охранник теперь всему городу разнесет, что шефу долго уговаривать новенькую не пришлось. Вот уж попала она, так попала. Кто бы мог предположить, что, провернув столь успешную авантюру по продаже машины и почувствовав себя почти независимой женщиной, она к вечеру этого же дня попадет в рабство к другому мужчине. «Вот ведь дура! Машина, квартира, платье... Шансонетка, вот ты теперь кто, Машка! Захолустная шансонетка на потребу публике! Будешь курить беломор, пить водку с завсегдатаями ресторана и рыдать по ночам в подушку, вспоминая свою райскую жизнь с Димочкой!» Плакать захотелось уже сейчас, не дожидаясь этих не за горами видных ночей, но она собрала волю в кулак, вспомнив слова незваного

гостя, и отправилась в ванную выполнять распоряжение «хозяина» – приводить себя в порядок.

Днем в дверь позвонили, и она, думая на только что покрашенные ногти, обнаружила на пороге двух мальчишек лет двенадцати, одетых в одинаковые рубашки синего цвета и оливковые брюки военизированного покроя.

– Что вам, детки? – ласково спросила она, понятия не имея, как надо разговаривать с чужими детьми подросткового возраста.

– Мы не детки, – ломающимся баском пропел один.

– Мы вещи принесли, – поддержал его другой.

И обе «не детки» решительно вторглись в квартиру, таща за собой свертки и пакеты, сложили их посреди комнаты и обернулись к хозяйке.

– Вы продукты купили? – спросил один.

– Не купила она, ясно же! – тут же возразил другой. – Он так и сказал, что она бестолковая, ничего сама не может.

– Кто? – заподозрила неладное Маруся.

– Конь в пальто! – грубо ответил первый и пошел к двери. – Не запирайтесь, мы скоро.

– Что скоро? – в растерянности уточнила она, когда дверь за ними захлопнулась.

«Сумасшедший дом! Дети какие-то, барин мелкопоместный... Во что я ввязалась, в самом деле? Может, еще не поздно?..» Но она понимала, что было не просто поздно – катастрофически поздно! Ловушка захлопнулась в тот момент, когда ее призовая лошадь покинула стоянку местного ГАИ под новым седоком, а скомканная записка с подушки мужа полетела под кровать. Маруся протяжно вздохнула, сдерживая рыдания, подула на ногти и осторожно взялась распаковывать сумки.

Через полчаса два малолетних грубияна из ларца притащили сумки с продуктами, как и угрожали. Покосившись на ее ухоженные руки, они не доверили ей распаковать пакеты, сами разложили все в холодильнике по полочкам и молча направились к выходу.

– Мальчишки, сколько я вам должна?

– Он расплатился.

– Ну, хоть на конфеты возьмите.

– На конфеты! – усмехнулись они в один голос. – Давай уж на пиво! Только ему не говори, а то шкуру с нас спустит.

Маруся, больше не спрашивая про таинственного благодетеля, сунула ребятишкам сто рублей и заперла дверь. Холодильник ломился от изобилия, на дверце шкафа болталось на вешалке дорогое платье, рядом лежали сумочка, туфли и чулки. «Реквизит! – попыталась уговорить себя начинающая звезда шансона Маруся Климова. – Относись к этому, как к реквизиту! Придет время – вернешь. Ты ничем ему не обязана!» И хотя это было вопиющей неправдой, она на мгновение смогла убедить себя в своей независимости и продолжила колдовать над сценическим образом перед зеркалом в ванной.

Ресторан на удивление был ухоженный и дорогой. Конечно, не такой, как новиковские проекты, но и не позорный кабак из деревни Гадюкино. Старенький швейцар провел ее в гримерку и поспешил сообщить хозяину: «Примадонна изволили прибыть». Дмитрий Алексеевич вломился без стука, когда она потянулась застегнуть платье и, оттолкнув Марусину руку, обстоятельно повел молнию вверх.

– Как наряд?

– Красиво, спасибо! – суховаато поблагодарила она, внутренне содрогаясь при мысли о публичном выступлении со сцены.

– Надеюсь, ты не опозоришься!

– Дима, ну, что за блажь заставлять меня бегать по этажам! Мне же вредно!

Владелица капризного голоса, румяных щечек, голубых глазок и обиженно надутых губок ворвалась в дверь, подобно маленькому урагану. И если бы не круглый животик, опередивший кукольное личико, ее вполне можно было принять за Мальвину.

Маруся устала на этот животик, позабыв о вежливости, а скомпрометированный хозяин пошел крупными пятнами, как медведь во время линьки, и только что не зарычал.

– Сколько раз я... – Он осекся под вопросительным Марусиным взглядом. – Она гри-мерша, приведет тебя в порядок!

– Я в порядке, а ей надо дома яблоки кушать, – заметила Маруся, рассматривая обоих в большом зеркале. – Надо же, в одном ресторане сразу две беременные!

– Ты петь пришла, вот и пой! – побагровел Дмитрий Алексеевич, едва ни начавший оправдываться, и спрятал в карманы сжавшиеся кулаки. – Причеси ее, Белякова, а то она на утопленницу похожа. И рот держи на замке, пока работаешь!

Беременная Мальвина кивнула, прикусив язык, и поспешно взялась за расческу.

Бывшее здание театра, перестроенное под ресторан, вмещало множество столиков и оканчивалось сценой, на которой стоял белый рояль. Маруся из-за занавеса наблюдала за перемещениями в зале и взволнованно перебирала ледяные пальцы. Иллюстратор наигрывал замысловатые джазовые композиции, официантки сновали по рядам, гости заполняли свободные места. Для умирающего медвежьего угла этим вечером на ужин сошлось подозрительно много гостей. Дамы в густо залитых лаком прическах кутались в меховые накидки, мужчины шеголяли в узких галстуках и отражающих люстры туфлях. Почему здесь задержалась мода почти столетней давности, Маруся представить себе не могла. Зато отлично поняла значение, которое Дмитрий Алексеевич придавал ее платью и аксессуарам. Заезжая московская дива должна была соответствовать обстановке и эпохе. Она вздохнула в последний раз и вышла на сцену, едва администратор выкрикнул ее имя. И тут же с галерки раздался хамоватый выкрик:

– Давай, Маруся Климова, сбаци «Мурку».

Мария Николаевна прищурилась в зал и наткнулась на ледяной взгляд хозяина за столом слева от сцены. Он едва заметно пожал плечами: «Я тебя предупреждал!», и с самодовольным видом откинулся на спинку стула.

– Я спою вам романс! – заявила решительная Маруся, проигнорировав выкрик, и обернулась к иллюстратору.

– К чертям собачьим романс! «Лесоповал» давай!

«Это беспредел! – всем своим видом показала певица, обратив возмущенный взгляд к Дмитрию Алексеевичу. – Призовите их к порядку! Мы ведь не на Диком Западе!»

– И все же романс!

– Да она петь не умеет! Давай хоть анекдот расскажи!

– Вызвалась петь, пусть поет!

– «Сиреневый туман» все знают!

Голоса давно перестали интересоваться молчащей певицей, дискутируя о музыкальных достоинствах шансона, отчего в зале стоял несмолкаемый гул. Мужчина с лицом каменного идола опрокинул рюмку водки и улыбнулся ей одними губами. Маруся в оцепенении комкала платье на боку, иллюстратор извлекал из рояля нехитрый мотивчик, официанты сгрудились у дверей кухни и хихикали, глядя на сцену.

– Заткнитесь все! – вдруг, неожиданно даже для себя, возвысила голос несостоявшаяся примадонна. – И дайте мне сказать! – Голоса стихли не сразу, но все же через минуту в зале повисла вопросительная тишина. – Поорали, и будет! Думаете, если я на сцене, а вы изволите водку кушать, то меня можно за человека не считать? Я буду петь то, что посчи-

таю нужным, уместным, соответствующим обстановке. Пока обстановка такая, что петь не хочется. Хочется плюнуть и уйти. Но я не уйду, не дождетесь! – Она кинула короткий взгляд на ближайший столик, где на невозмутимом лице мужчины промелькнула тень интереса. – Я исполню романс, или три романса, или десять, если вы научитесь вести себя прилично, а потом под караоке я спою то, что вам захочется услышать. Я не знаю блатной репертуар, но если будет музыка и текст – спою. А если кто-нибудь еще раз позволит себе хамский выпад – будете ублажать себя сами, как хор пенсионеров на поминках. Я понятно говорю?

– Понятно, дочка! – подал голос безобидного вида старичок. – Ты романсы-то пой, плюнь на них. А потом мне «Белорусский вокзал». Слова я напишу.

– Эти слова я знаю, дедушка, – вздохнула оттаявшая Маруся и покосилась на довольного хозяина. – Может, у кого-то есть вопросы или возражения по процедуре?

– Пой уж, чего там! – пробасил голос из шумной компании за сдвинутыми столами.

Она обернулась к иллюстратору, пряча от публики улыбку победительницы. Как и собиралась, она спела три романса, потом «Белорусский вокзал» и «Землянку» по просьбе старичка, потом «Мурку» под караоке, несколько песен из «Лесоповала», еще два романса, что-то из репертуара Варум и пресловутый «Сиреневый туман». Все это время хозяин не сводил с нее глаз, а просьбы из зала сыпались как из рога изобилия. Далеко за полночь она ушла в гримерку и перед зеркалом без сил уронила голову на руки. Софиты и клубы дыма вызвали острый приступ мигрени, и она не шелохнулась, когда услышала за спиной голос Дмитрия Алексеевича.

– Устала? – с участием спросил он и неуклюже похлопал ее по спине. – Ну, вставай, отвезу тебя домой.

– Мне бы аспирин, – глухо попросила Маруся, дернув лопатками. – И свет погасите, голова раскалывается.

– Будет тебе и аспирин и темнота, вставай!

Через несколько минут машина затормозила у подъезда, мужчина отвел ее в квартиру, налил стакан воды и достал невесть откуда взявшиеся таблетки. Маруся проглотила одну и приложила холодную ладонь ко лбу.

– Я думал – сбежишь! – одобрительно хмыкнул он, вернув ее в воспоминания последних часов.

– Я уже сбежала, дальше некуда. Вам понравилось?

– Мне – нет. – Он отодвинул ее ладонь и заместил своей, подержал немного и повел вверх по волосам, вызвав у нее тихий стон. – А им понравилось. Так что, контракт твой.

– Контракт? – переспросила она, поморщившись, когда он убрал руку. – И какие условия?

– В течение года будешь работать на меня с окладом в пятнадцать тысяч рублей в месяц. Каждый вечер с восьми до часу. Все, что заработаешь сверху, твое.

– Да это грабеж! – прошептала сквозь мигрень Маруся. – Пять часов в день в крике и дыму без выходных за копейки!

– По вашим меркам, может, и копейки. А в нашем монастыре устав свой, привыкай. Да и на что тебе деньги? За квартиру заплатить? Йогуртов купить в супермаркете? Чулки новые? На это хватит. И чаевые у нас щедрые дают, так что, с голоду не помрешь! Не могу же я тебе оклад выше зарплаты мэра положить.

– Плевать на мэра! – чуть не заплакала Маруся.

– Мэр ездит на мурселаго, а ты поешь в ресторане. Так что, плевать на мэра тебе не по статусу, – терпеливо пояснил ее работодатель. – Ложись спать, голова скорее пройдет.

Он снова погладил ее по волосам, как заигравшегося котенка, и Маруся, не сдержавшись, обиженно всхлипнула.

– А почему вам не понравилось, как я пою?

– Выспись, у тебя завтра важный день.

Он оставил без внимания ее вопрос и пошел к двери, вернув руки в карманы.

– Что еще случится завтра? – спросила расстроенная Маруся, но замок щелкнул, и ее слова растаяли в воздухе, как колечко дыма.

Она проснулась в середине дня в хорошем настроении. Голод напомнил о себе почти сразу, и Маруся вспомнила, что нормально не ела уже вторые сутки, и возблагодарила судьбу и двух сиамских близнецов, заявившихся вчера с полными пакетами. После позднего завтрака она вернулась в кровать с книжкой, поглядывая на часы, чтобы не нарушить условия заключенного вчера грабительского контракта. Сегодня условия были не менее кабальными, но перестали возмущать.

Мужчина был прав: деньги у нее остались, и тратить их в этом забытом богом месте было негде, а обещание чаевых согревало душу новизной и загадочностью суммы. Заботиться о деньгах в доме было прерогативой мужа, ей оставалось только разумно пускать их на нужды домашнего хозяйства и неразумно – на свои. Что она с успехом все годы и делала, практически не провоцируя конфликты из-за потраченных средств. Единственное, в чем она действительно не была разумной и умеренной – это машины, увлечение которыми супруг поддерживал в ней сам. А шубы, украшения или билеты в дальние страны он покупал на свое усмотрение, считая их достойным антуражем для красивой жизни с красивой женщиной. Воспоминания о Димочке сразу же намекнули, что хорошего настроения у нее быть не может, и слезы предательски защипали в носу.

«К вам гости...» – ворвался в квартиру мужской голос, оборвав ее рефлекссию, и она чертыхнулась и пошла открывать.

– Собирайся! – приказал Дмитрий Алексеевич с порога и прошел в кухню.

– Рано же еще! – удивилась Маруся вслед гостю.

– Мы сегодня не едем в ресторан, – заявил он, закуривая. – Кофе я поставлю сам.

– Как одеваться?

– Как женщина.

Не дождавшись вразумительного ответа, она ушла в комнату, облачилась в джинсы и футболку, скрутила на затылке волосы и пошла на запах кофе, справляясь с упрямой заколкой.

– По-твоему, женщины одеваются, как ковбои? Юбку надень.

– А куда мы едем?

– Много будешь знать, скоро состаришься!

– Я уже и так не институтка, – пококетничала она.

– Это точно, – бестактно согласился он и подождал, что она уйдет переодеваться.

– Мне так удобно! – ответила Маруся на его неодобрительный взгляд.

– Ну и черт с тобой!

Он поставил перед ней кружку с кофе, а она ловко извлекла из холодильника сливки и сыр, и следующие десять минут они провели в отчужденном молчании.

Немолодой водитель предупредительно распахнул дверь представительской ауди, и Дмитрий Алексеевич подтолкнул ее в спину.

– Полезай!

– Так куда мы едем? – снова любопытствовала она, когда мимо проплыли ресторан и близлежащие дома.

Но ответом было рассеянное молчание. Маруся фыркнула и принялась с подчеркнутым вниманием смотреть в окно. Машина катила по дорогам, совершая то левые, то правые повороты, и через полчаса пассажирка задремала и уютно сползла на широкое сиденье. Когда сидящий рядом человек тронул ее плечо, на улице уже стемнело.

– Где мы?

– Идем!

Он бодро зашагал по бескрайнему лугу с высоко поднявшейся травой. Маруся обернулась на автомобиль, потом на удаляющийся силуэт на фоне звездного неба и поспешила следом. Дмитрий Алексеевич торопился, и она никак не успевала его догнать, задыхалась, путалась ногами в травяных стеблях и тихонько ругалась, то и дело заправляя за ухо прядь волос. Когда он остановился перед полосой густого кустарника, она едва ни налетела на него. Хозяин раздвинул ветки и подтолкнул ее в образовавшийся проход. Женщина сделала шаг вперед и остолбенела.

Они оказались на краю вытоптанной поляны с горящими кострами, будто прошли через временной портал. Маруся зажмурилась, как в детстве, сосчитала до десяти и открыла глаза. Возле костров суетились люди, звучала чужая речь, вдали темнели силуэты лошадей, сбившихся в кучу.

– Каждый раз вижу и удивляюсь, – задумчиво пробормотал он. – Как будто в кино попал.

– Это какой-то фокус? – Она с опаской взялась за его рукав. – Или я сплю?

– Если и спишь, то со мной! – тут же отбросил романтическое настроение хозяин.

Она пропустила сомнительную шутку и придвинулась совсем близко, когда от костра отделилась высокая фигура и направилась в их сторону.

– Не трусь, – негромко успокоил хозяин и повернулся к идущему. – Здорово, Федор! Давненько не виделись.

Мужчины обнялись, а Маруся, приоткрыв рот, всматривалась в темноту, из которой тенями проступали цыганские шатры и телеги. Обманываясь ночными тенями, она потрясла головой, но странные видения никуда не девались.

– Новая женщина? – спросил Федор.

– Нет, – ответил Дмитрий Алексеевич. – Я по делу. Мне нужно, чтобы вы научили ее петь.

– Красивая, – заметил цыган, рассматривая Марусю. – Но зачем она в штанах, как мальчишка?

– Затем что упрямая, как ослица!

Маруся продолжала пребывать в странном оцепенении. Дмитрий Алексеевич взял ее за руку, и она покорно пошла за хозяином, как собачонка на шлейке. Перед входом в палатку он задержался и подтолкнул ее к костру.

– Сядь здесь, тебе туда нельзя.

А сам исчез вслед за Федором под пологом. Маруся опустила на примятую траву и продолжила осматриваться, выхватывая из темноты звуки и силуэты. Вдалеке зазвучала гитара, послышался мужской голос, а из темноты внезапно выступили два голых малыша. Смуглые детишки с торчащими во все стороны вихрами подошли к ней сбоку, и самый смелый решительно потрогал ее озябший локоть.

– Ой! – вскрикнула она и воззрилась на детей. – Вы же замерзнете!

Дети с неподдельным интересом рассматривали незнакомку, а она вглядывалась в их чумазые мордашки при свете костра и улыбалась, боясь спугнуть. Их молчаливую дуэль прервал Дмитрий Алексеевич, вышедший из шатра вместе с Федором.

– Нам повезло, сегодня в таборе праздник. Ты сможешь увидеть и услышать все сама.

– Что услышать? – не поняла Маруся.

– Как надо петь!

– Я хорошо пою! – заупрямилась она. – Я всю жизнь пою. У меня музыкальное образование, между прочим.

– Ты поешь голосом, Маша, а они сердцем. – Он впервые назвал ее по имени, и она почувствовала почти неуловимые изменения в его тоне. – Ты знаешь разницу?

Она знала. Ее сердце вовсе не хотело петь, оно хотело плакать, оно задыхалось от боли, оно почти истекало кровью, пока Маруся произносила знакомые слова романсов и незнакомые слова ресторанных песен.

– Это мое личное дело! – возмутилась она и вскочила на ноги.

– Ты или будешь петь с полной выкладкой, или катись на все четыре стороны, – помрачнел непонятый в своем благом начинании хозяин. – В богадельне вакансия уборщицы открылась.

Он едва сдержался, чтобы не заорать, что ее независимость и ее театральные страсти гроша ломаного не стоят, если она не хочет сдохнуть с голоду, но вовремя заметил недоумение в глазах Федора и сдержался.

– Значит, буду мыть полы или милостыню просить! – уперлась женщина.

– На руки свои посмотри, уборщица! – охладил ее пыл Дмитрий Алексеевич. – А насчет милостыни... Никто тебе не подаст. Не в моем городе. Поэтому послушай, как должно быть, от тебя не убудет. – Цыган отступил к шатру, предоставив гостям возможность договориться без свидетелей. – Ты можешь петь и хорошо поешь. – Мужчина обстоятельно расположился на неизвестно откуда взявшемся складном стульчике и потянул ее вниз. – У тебя отличная техника, сильный голос, и ты ни разу не сфальшивила. Но при этом ты – как мороженная форель. Послушай их и поймешь, что можно по-другому. Как будто никого нет, и ты поешь для себя. А врать себе смысла нет, так?

– Так, – прошептала она, оставив попытки высвободиться из его стальных пальцев.

И внезапно он рассмотрел то, что не смог увидеть при солнечном свете за два прошедших дня. У нее были совершенно невероятные глаза. Огромные, как фарфоровые блюда, и бездонные, как темный омут в заросшем ряской пруду. Он с детства знал, что в таких омутах водится всякая нечисть, вроде водяных. А в лунные ночи на поверхность всплывают русалки, соблазняющие путников женской грудью и плетущие из любовных речей сети для незадачливых юнцов.

Маруся не шевелилась, и по темной глади ее омутов металась блики от костров, тревожа подводных обитателей. Мужчина с усилием стряхнул ночное наваждение и продолжил, отвернувшись к огню:

– Если тебе больно – пой так, чтобы было слышно, что больно, если тебе весело – это твое веселье, и незачем его стыдиться. За сценой можешь быть хоть поленом, но песню надо проживать.

Она сидела на земле у ног своего недавнего обидчика, забыв освобожденную руку у него на колене, и смотрела снизу вверх, как декоративный щенок на умудренного годами сторожевого пса. И щенок внутри нее почти с благоговением признавал, что тот прав.

– Маша? – позвал он и тронул ее щеку. – Ты меня слышала?

– Зови своих друзей! – буркнула она и в смятении отодвинулась. – Послушаем, что они скажут.

Но никто ничего не говорил, во всяком случае, на понятном ей языке. Федор принес лепешки, мясо и вареную картошку, и тотчас возле костра закружились с десятков взрослых и детей, потом пришли женщины и еще дети, чуть позже – мужчины. Все несли с собой еду, все галдели, смеялись, сияя бездонными, как ночное небо, черными глазами, перемежали непонятную речь отдельными русскими словами. Дмитрий Алексеевич перестал замечать свою спутницу, тоже смеялся, пил водку, ел мясо с тарелки прямо руками и, казалось, без труда понимал чужую речь.

Ей тоже налили водки, она отнекивалась, но он шепнул: «Пей, не обижай людей!», и она выпила залпом, обожглась, долго кашляла и жмурилась, вытирая слезы. А потом зазвуч-

чала гитара, одна, другая, третья, и над луговым простором разлились голоса и серебряный перезвон. Маруся, усевшись, как турчанка, и подперев щеку ладонью, вслушивалась в звуки и откуда-то понимала, о чем пели по очереди мужчина и женщина. Дмитрий Алексеевич не выпускал ее из виду, кивая в ответ на длинный монолог Федора.

– Твоя женщина сможет петь, – заключил Федор. – Пусть поговорит с Раей.

– Тетя Рая еще жива? – удивился гость и отвел взгляд от зачарованной Маруси.

Федор указал в конец поля, где горел одинокий костер, и Дмитрий Алексеевич покинул цыганский праздник ради разговора со старой Раей. Высокий цыган проводил его взглядом и подсел к Марусе, заглянул в ее отсутствующие глаза.

– А теперь ты нам спой.

– Я не могу, – очнувшись, заверещала она и стала оглядываться в поисках своего покровителя.

– Он скоро придет, не волнуйся, – утешил ее Федор. – А ты пока пой. Что ты знаешь?

– Романсы, – растерялась Маруся. – Русские.

– Вот и спой, а мы послушаем. – Федор одобрительно пощелкал языком. – Когда еще красивая русская женщина споет в цыганском таборе для цыган. Ромка тебе подыграет.

Он повысил голос, и тут же гомон стих, и все повернулись к Марусе. Она покраснела и неуклюже поднялась с земли. Из темноты выступил молодой мужчина с гитарой и сверкнул белозубой улыбкой.

– Что будешь петь, красавица?

– Может быть, «Ямщика»?

– Можно и «Ямщика»!

В длинном проигрыше было много надрыва и едва угадывалась знакомая мелодия, но Маруся поймала нужный момент и, подняв лицо к ночному небу, запела, перестав слышать шепот цыганят, дыхание мужчин, ржание лошадей и потрескивание поленьев в огне.

Когда ее голос смолк, кочевники зашумели, заговорили разом, и она в изумлении огляделась. Дмитрий Алексеевич отвел от нее задумчивый взгляд и наклонился к сгорбленной старухе в черном платке, которая едва доставала ему до груди.

– Она хорошо поет, – сказала старуха, глядя в костер из-под кустистых бровей, и мужчине пришлось склониться еще ниже, чтобы расслышать ее слова. – Но у нее душа закрыта. Чего она боится?

– Она недавно рассталась с мужем.

– Значит, ей нужен другой, – заключила старуха и оглядела затрепетавшую от внезапного ужаса Марусю. – Она не умеет жить одна. Теперь ты ее мужчина?

– Нет! – во второй раз за вечер отвечая на этот вопрос, он почти разозлился. – Она сама по себе. Я просто помогаю ей с работой.

– Если ты заботаешься о ней, возьми ее в жены, – словно не услышав, сказала Рая. – Она тебя не разочарует.

– Мне не нужна жена, тетя Рая. Мне нужна певица в ресторан.

– Ах, певица! – Старуха понимающе потрясла седыми космами под платком, и Марусе показалось, что голова на тонкой шее может случайно оторваться и скатиться прямо в огонь. – Скажи, пусть идет за мной.

Она махнула двум цыганкам, стоящим поодаль, и те покорно двинулись следом в дальний шатер.

– Иди! – Дмитрий Алексеевич подталкивал свою протезу, как строптивую лошадь. – Никто тебя не съест.

– Откуда ты знаешь? – скулила не вполне трезвая Маруся, оглядываясь на удаляющиеся огни за спиной.

– Не болтай!

– Она меня заколдует или превратит в жабу.

– А я тебя поцелую, и ты снова станешь принцессой, – уверил он.

– Правда? – Она жалобно взглянула на мужчину через плечо, готовая поверить во что угодно. – Это поможет против заклинаний?

– Не знаю, но если будешь изводить меня дурацкими вопросами, оставлю жабой до конца жизни.

– Ну почему я должна идти в палатку? – помолчав, снова заняла Маруся. – Что они собираются делать такого, чего нельзя делать при людях?

– Понятия не имею. Но хуже уже не будет.

Он втолкнул ее под полог шатра, а сам остался снаружи.

– Только не забудь, что ты обещал, – раздался ее сдавленный шепот из темноты, и он усмехнулся и закурил.

Целовать жабу в его планы не входило. Певичка была хороша, в ней чувствовалась особая стать, порода, так что если ее и стоило в кого-то превратить, то хотя бы в лошадь или в кошку. Впрочем, их он тоже целовать не намеревался. Зато эту ночь он бы с удовольствием провел с женщиной с пшеничными волосами и русалочьими глазами, а уж никак не с жабой или кобылой.

Он успел выкурить три сигареты, когда из темноты появились женские фигуры в длинных юбках и выстроились перед ним в ряд.

– Она почти готова, – сказала старая цыганка и указала на Марусю.

Первое, что он заметил, – у Маруси больше не было испуганных глаз. Она смотрела вдаль мимо него и улыбалась.

– Что с ней? – напрягся он, заподозрив неладное, но сразу отогнал мысль о колдовстве.

– Травка, – засмеялась старуха и потрясла головой. – Ей теперь хорошо.

– Травка – это перебор, тетя Рая. Это незаконно, – укорил ее Дмитрий Алексеевич. – Надеюсь, ничего серьезней?

– Никто ее не заставлял, – поморщилась цыганка, и только тогда он заметил перемены в своей спутнице.

Маруся была одета, как и стоящие рядом женщины, в шелковую кофту с широкими рукавами, юбку почти до земли с пышной оборкой, из-под которой кокетливо выглядывала еще одна. Ее бедра были схвачены ярким платком, на шее причудливо переплелись цепочки и бусы, а в ушах позвякивали кольца. Перед ним стояла босоногая и белокожая цыганка со светлыми косами, каких ему раньше встречать не доводилось.

– Маша, – изумленно выдохнул он и взял ее руку, на которой зазвенели браслеты. – Ты себя видела?

Маруся наклонила голову к плечу, словно прислушивалась, и послала загадочную улыбку далеким звездам.

– Не верь этой улыбке, – остановила его тетя Рая. – Она никогда не перестанет улыбаться. Она должна отпустить свою боль и жить дальше. Пока боль с ней – она сжигает ее изнутри. Ты ее мужчина, помоги ей.

На этот раз он не стал объяснять, что знает эту женщину всего-то три дня, да и не знает вовсе, ничего о ней не знает, кроме паспортных данных, размера одежды и того, что она сбежала от богатого мужа наугад черт знает куда.

– Как?

– Отведи ее в круг, пусть поет и танцует. Боль будет выходить из нее.

– Ее так просто не вылечить, – усомнился он.

– У тебя есть год, – сказала старуха и прищурилась в звездное небо, словно пыталась разглядеть летопись их судеб. – Год до весеннего полнолуния. Если ты не успеешь стать ее мужчиной, она уйдет.

– Думаешь, за год я не справлюсь? – самодовольно усмехнулся он, принимая игру.
– У тебя мало времени, – покачала головой Рая, удивляясь его непонятливости. – Если ее душа все еще будет болеть о муже – ты ее потеряешь.

– Она подписала годовой контракт, – угрюмо вспомнил он, заглянув в просветленное Марусино лицо. – До того момента она не может уйти.

– Ее не удержит никакой контракт, если ты не тот. Или ваши женщины могут жить без любви?

– По-разному могут! – Он заметно помрачнел. – А мне надо, чтобы в мой ресторан ходили слушать, как она поет.

– Ты думаешь, что можешь выбирать! – с жалостью сказала старуха и исчезла в тени шатра.

Дмитрий Алексеевич подхватил заколдованную Марусю под руку и повел к поющему табору. Когда они вошли в круг, табор умолк, а Маруся, очнувшись от дурмана, недоверчиво осмотрела свой наряд и незнакомых людей. Он взял ее за плечи и подтолкнул в центр круга.

– Танцуй, – попросил кто-то по-русски.

– Я не умею, как вы, – смущенно улыбнулась Маруся.

– Она вообще неважно двигается, – зачем-то вспомнил он и поймал на себе ее обиженный взгляд.

– Пусть танцует! – сказал Федор и снова позвал Ромку. – Надо только начать.

Когда над лугом разнеслись первые звуки вальса, Ромка, не раздумывая, закружил Марусю по вытоптанной траве, и зрители отодвинулись, давая им больше пространства. А Дмитрий Алексеевич смотрел, как колышутся ее юбки, как перекатываются бусы, как Ромкина рука полновластно обнимает узкую спину и как в ответ улыбаются Марусины губы, и почти забыл о зажженной сигарете.

– Она легкая, как пчелка! – Ромка неохотно выпустил женщину из объятий. – Просто ей нужен ведущий.

– Кнут ей хороший нужен, – сделал вывод ревнивый хозяин и достал новую сигарету.

– Пусть еще поет, – слышались голоса, и Маруся, покрасневшая после танца, протянула руку к ближайшему гитаристу.

– Можно?

Тот без слов снял с шеи ремень, и кто-то услужливо придвинул ей складной стул. Маруся кивнула, поставила гитару на колено, тронула струны и, оставшись довольна извлеченным звуком, сразу же запела низким и сильным голосом.

«Среди миров, в мерцании светил, / одной звезды я повторяю имя...»

И эта была та Маруся, которую никто из стоящих рядом людей не знал. Которую муж двадцать лет награждал самыми причудливыми именами, вариациями на тему ее простого имени, а потом вдруг разлюбил. Которая много лет была счастлива, а потом в один день решила уйти от него. Которая давно не пела под звездами, не танцевала с чужим мужчиной, не пила водку и ни разу в жизни не думала, что сможет изменить своему налаженному уюту и сложившейся судьбе. Уж лучше бы цыганка превратила ее в жабу, или в лошадь, или в росу на траве, которая наутро высохнет и не оставит следа на листе.

Маруся пела, и слезы сами катились из ее глаз, а когда закончилась песня, она начала новую, потом другую, и еще одну. И никто не решался ее прервать, не засмеялся и не ушел спать. Она пела, и ей становилось легче, будто вместе со слезами вытекала боль, отпуская сердце из ледяных тисков. А когда она устала и замолчала, цыгане дружно выдохнули, и кто-то сказал: «Они тоже умеют петь!», и его одобрительно поддержали несколько голосов. Маруся поднялась с шаткого стула и просительно посмотрела на хозяина.

– Пора, – вслух решил он и обернулся к Федору. – Скажи тете Рае, что одежду я пришлю завтра.

- Если Рая отдала этой женщине свое платье – так надо.
- Но украшения дорогие, – возразил Дмитрий Алексеевич.
- Иди, Дима! Мы тут пробудем неделю, может, две. И снова придем через год. Если хочешь – пойдем с нами. Ты нам не чужой, мы всегда тебе рады.
- Ты же знаешь, что я не могу.
- Власть тебе дороже свободы, – усмехнулся Федор и обнял старого друга. – Пора бы понять, что дороже свободы ничего нет.
- У каждого свой путь! – возразил Дмитрий Алексеевич и взял Марусину руку. – Встретимся через год, Федя. Хорошей дороги!

Возле дома хозяин разбудил свернувшуюся в клубок Марусю и, соблюдая конспирацию, отвел ее домой.

- Как это снимается? – спросила она, оглядывая свой странный наряд, и побрела к зеркалу.
  - Хочешь, чтобы я тебя раздел? – усмехнулся он, но она обернулась с мрачным лицом.
  - Мне не до шуток. Я спросила, как это снять.
  - Женщине должно быть виднее, – посерьезнел он. – На работу вечером можешь не ходить, тебе отоспаться надо.
  - И это не отразится на моей зарплате?
  - Отразится, но ты отработаешь в другие дни.
  - Я начинаю чувствовать себя рабыней...
- Но Дмитрий Алексеевич, не дослушав, хлопнул дверью и с неприязнью подумал, что побыть жабой пару дней ей бы не повредило.

Как он и предполагал, она проснулась ближе к вечеру, сварила кофе, налила ванну и провела полночи в постели перед телевизором, а в семь утра уже открывала дверь знакомому гостю.

- Выспалась?
  - Вчера, да, а сегодня, нет, – не погрешив против истины, призналась начинающая примадонна. – А вы теперь будете каждый день приходить в семь? Я могу будильник на одиннадцать не ставить?
  - Город не оценит твой богемный образ жизни.
  - Я не навязываю городу свои привычки, – пожала плечами она. – И не горю желанием жить по расписанию казармы.
  - А я привык просыпаться рано. Сделай-ка нам омлет.
- Ему хотелось кофе и домашнего завтрака и совсем не хотелось препираться с ней. Но Маруся была не в настроении и не считала себя обязанной быть вежливой по утрам с незваными гостями.
- Со шпинатом? А может, с норвежской селедочкой или с кленовым сиропом?
  - Ты и такое умеешь?
  - Нет, но вам же плевать, что я умею и чего хочу. Я прислуга, которую вызвали покормить барина.
  - Я и сам могу приготовить, – насупился он. – Незачем делать из мухи слона!
  - Тогда не надо делать из меня кухарку! – парировала она, открывая холодильник, и вдруг смутилась от собственной грубости. – Мне не сложно, поймите. Но исключение не должно стать ежедневной практикой.

Однако же омлет у нее получился вкусный, хоть и без пышной шапки. И гренки с сыром удались, а кофе из обычного аппарата показался ему лучшим за многие месяцы. Напротив

за столом Маруся с аппетитом уплетала свою порцию и смотрела на календарь с лохматой собачкой, как будто завтракала одна.

– Ну, я пойду.

Он отодвинул пустую кружку и вопросительно посмотрел на женщину, как будто чего-то ждал.

– Угу, – кивнула она, скользнув мимо рассеянным взглядом, и когда щелкнул замок, спросила: – А зачем вы приходили?

– Спасибо! – запоздало сказал он, закрывая дверь.

– На здоровье. – Маруся задумчиво посмотрела на стол с грязной посудой. – Лучше бы дал поспать.

Второй рабочий вечер прошел гораздо удачнее первого. Публика частично обновилась, но никто не орал, как потерпевший, когда она объявила очередной романс. И, отработав «обязательную программу» из классики, она спокойно перешла к выполнению заявок, пользуясь услугами экрана с караоке. Такое положение дел всех устраивало, и в первую очередь – саму шансонетку. Она не придавала значения тому, что хозяйский стол с табличкой «зарезервировано» был пуст, потому что к концу выступления валилась с ног от усталости и искренне радовалась, что от работы до дома ехать несколько минут. Правда, на стоянке пасся старый знакомый Филька и усиленно стучал хвостом по красному боку ауди, оглашая ночную округу звуками тамтама.

– Уйди к чертям собачьим, – очень в тему сказала примадонна и, оттеснив пса, села за руль и опустила стекло, нарочито строго посмотрев на собаку. – Приходи завтра, будет тебе котлета.

Филька подозрительно покивал и улыбнулся. «Галлюцинации от усталости?» – спросила она себя и покатила сквозь ночь, отчаянно зевая и стараясь не пропустить нужный поворот.

Как ни странно, следующим утром ее никто не потревожил, как и последующим, и даже спустя неделю. В ресторане хозяин не появлялся, и по тому, как расслабилась публика, Маруся догадалась, что город временно остался без власти. Вернее, официальное подобие власти в лице Сергей Дмитриевича разъезжало на мурселаго и пару раз заказало «Вальс Бостон» и «Чистые пруды», ностальгируя по далеким столицам Российской империи. Маруся прилежно и с надрывом исполнила мужские партии и со сдержанной благодарностью приняла щедрые чаевые. Слава богу, глава городской администрации не набивался в поклонники, как некоторые зарвавшиеся в отсутствие хозяина пьяненькие господа, а местная секьюрити хорошо знала свое дело. Да и у самой столичной гостьи на этот счет было припасено давно наработанное выражение лица, сопровождаемое репликами в стиле английской аристократии: «Пойдите прочь, сударь, вы пьяны!» Она беспроблемно пользовалась этой фразой, отчего у большинства почитателей красоты и таланта случался культурный шок.

Хотя одному поклоннику она втайне потакала. Шантажист Филька не пропустил приглашения на следующий вечер и с вопросительным выражением ждал ее у машины, еле сдерживая подрагивающий хвост.

– Ах ты, зараза! – сказала она то ли ему, то ли собственной забывчивости, и вернулась на кухню за обещанной котлетой.

Натуральная котлета размером с четверть тарелки была проглочена одним махом, хвост отстучал «спасибо» по дверце, и Маруся, тронув машину с места, с изумлением обнаружила, что пес резво бежит по тротуару вслед за ней. Она сбросила скорость и, забавляясь ситуа-

цией, позволила ему проводить себя до дома, где, поставив ауди на охрану, обернулась к лохматому поклоннику, поднявшему на примадонну вопрошающие глаза.

– Никакого кофе, Филимон, даже не думай!

Пес разочарованно вздохнул и прилег на асфальт. Она дошла до двери и снова обернулась, а когда он приподнял тяжелую голову и насторожился, холодно кивнула и скрылась в подъезде. Филька в задумчивости поскреб задней лапой за ухом и потрусил обратно к ресторану в надежде на очень поздний ужин или на ранний завтрак.

Глава 3. Сезон охоты

Спустя две недели после отъезда хозяина город пошел вразнос. В ресторане была «заказана» и успешно проведена драка, на окраине города мелкие уголовники устроили разборку со стрельбой, диджей на городском радио напивался с утра и нес околесицу три дня подряд, а «подобие власти» катало разбитных девиц в мурселаго, не щадя подвески. У Маруси сжималось сердце, когда она видела свою любимицу в компании крашенных кудрей и силиконовых прелестей.

Перемены не обошли стороной и ее жизнь. Два с половиной поклонника каждый вечер топтались перед рестораном, поджидая ее выхода. К Фильке, который был половиной, она откровенно благоволила и таскала ему котлеты из кухни. Два других были всего лишь мужчинами, которые соревновались в тщетных попытках привлечь ее внимание. Цветы и конфеты доставлялись в гримерку к каждому выступлению. БМВ и ауди дымили трубами, и оставалось только понять, кому из немецких автопроизводителей она отдает предпочтение. Билеты на концерты или столик в ресторане областного центра можно было выбрать в любой момент.

Марусе было бы откровенно смешно, если бы не было так грустно. Поклонники были молодые, велись на ее недоступность и столичные манеры, рассказывали наперебой о зарубежных турне и сорили деньгами, заказывая песни. Дмитрий Алексеевич был прав, на чайные в медвежьем углу она могла бы безбедно жить, не заботясь о завтрашнем дне. Правда, она никому не отдавала предпочтения и возвращалась домой в сопровождении почетного эскорта из двух машин и Фильки, неспешно трусящего по обочине. Когда на исходе второй недели она обнаружила на пороге квартиры две одинаковые корзины с цветами, ее разобрал такой хохот, что соседская дверь приоткрылась и домработница окинула ее подозрительным взглядом. Но Маруся продолжала хохотать, затаскивая цветы в квартиру и представляя, как два героя мерились корзинами у входа в подъезд.

Подобный стиль ухаживания был ей в новинку. Да и вообще ухаживания мужчин в последние двадцать лет она принимать отвыкла. Присутствие мужа отбивало у окружающих желание проявлять к ней сексуальный интерес. Димочка конкуренции не терпел ни в чем. И однажды утвержденное право собственности было окончательным и пожизненным, если он сам не решал что-то изменить.

Чем дальше река времени уносила ее от рокового дня, когда она написала записку и уехала, тем труднее ей становилось оценивать свой спонтанный поступок как единственно правильный и неизбежный итог ее семейной жизни. Ощущения были похожи на состояние больного после операции. Опухоль была успешно удалена, но действие анестезии закончилось и неизбежная боль накрывала широкими волнами, не давая возможности сосредоточиться на положительном итоге.

В один из дней она приехала к вечернему выступлению и обнаружила, что ресторан закрыт. Маруся подергала массивную ручку парадного подъезда и столь же безуспешно попыталась войти с черного хода. Запертый на все замки особняк был тихим и темным, а стеклянную дверь украшало лаконичное объявление: «Учет». Когда она вернулась к машине, на стоянку подкатил внедорожник, и хозяйский охранник вывалился из-за руля.

– Костя, – без приветствия начала примадонна, – что-то я не пойму...

– Садитесь! – Константин распахнул пассажирскую дверь. – Он велел вас доставить.

Формулировка «велел доставить» говорила об имперских притязаниях Костиного шефа. Она представила себя европейской принцессой, взятой в плен турецким султаном. О том, как случайные заложницы становятся гаремными наложницами, ей думать не хотелось. Костя обращался с ней почтительно, но холодновато. Предложил закрыть окно, чтобы

не простудиться, переключал радио, интересуясь, что она предпочитает, но на вопрос, зачем они едут к хозяину, втянул голову в плечи и насунился.

Машина выбралась из города и мягко покатила по недавно залатанной дороге в сторону коттеджного поселка, где и обретался Дмитрий Алексеевич.

Дом был громадный и возвышался темно-коричневой крышей над другими коттеджами, как здание Министерства иностранных дел над арбатскими переулками. Трехметровый забор, скрывающий от посторонних глаз внутренний двор, не уступал в размерах рублевским.

– Зачем ему такой домина? – удивилась вслух Маруся и поймала на себе недоумевающий взгляд охранника. – Это же крепость. Он готовится к осаде?

Но Костя снова промолчал, подал ей руку, когда она выбиралась из машины, и провел гостью в дом.

– И в чем, по-твоему, заключается смысл жизни?

Спустившийся со второго этажа хозяин не сводил с нее внимательного взгляда, скрепив руки на груди.

– Моей или вашей? – сразу же нашлась Маруся.

– Ты и про мою знаешь?

– Догадаться несложно. А в моей смысла нет, можно не искать. Как съездили?

Это была чистая вежливость. В действительности ей не было дела до того, куда и зачем он ездил. Вопросов она никому не задавала, а обсуждать с шансонеткой ее покровителя никто не решался.

– Ты мне зубы не заговаривай! – вдруг рассвирепел он. – Что за бардак вы там развели?

Марусе было впору испугаться и начать искать причину хозяйского гнева, но долгая жизнь с Дмитрием Климовым научила ее смотреть на вспышки мужского раздражения снисходительно, порой даже весело. Хотя веселье это, обуревающее ее в душе, продемонстрировать было не положено, соблюдая правила игры.

– Драка, перестрелка и запойное радио обошли меня стороной, – догадалась она.

– Зато два кобеля, каждый вечер вьющиеся возле твоей юбки, явно обходят тебя не думают?

– У вас плохие осведомители, – еле сдержала улыбку Маруся. – Кобелей три.

– Что значит три? – Дмитрий Алексеевич повел вокруг себя тяжелым взглядом, думая, на чем бы сорвать злость. – Это такая шутка?

– Могу я рассчитывать на ваше гостеприимство в форме кофе? – осторожно спросила она. – Что-то я подседа на кофе, иначе к двенадцати начинаю засыпать.

– Идем, – буркнул он и повел ее в кухню, где у плиты суетилась худенькая пожилая женщина в красном переднике.

При появлении хозяина с гостьей она вопросительно уставилась на обоих, но получив знак от мужчины, вернулась к своим занятиям.

– И кто третий? – Он вернулся к прерванной беседе, когда на стеклянной поверхности стола разместились чашки с кофе и вазочка с печеньем. – Ужин будет позже.

– Я бы предпочла вернуться домой и поваляться с книжкой, если работы сегодня все равно не будет.

– Хватит морочить мне голову! – Дмитрий Алексеевич проявлял явные признаки нетерпения. – Поужинаешь и поедешь. Что за третий?

– Местный пес Филька. Я зову его Филимоном. Вообще-то, я не люблю собак, но этот... Он меня как будто приручает.

– Ты издеваешься? – прищурился мужчина. – Третий – пес?

– Да, и в отличие от двух первых – очень симпатичный.

– Это не мешает тебе принимать подношения от мужиков.

– И чаевые тоже, – подтвердила Маруся. – Надо же мне на что-то жить. А цветы и конфеты... они ни к чему не обязывают.

– И ночные прогулки?

– Ах, это... – Маруся от души рассмеялась. – Ночные прогулки в обществе двух соперников куда безопаснее, чем в обществе одного из них. Пока они делят сферы влияния, я могу быть спокойна. Вот когда кто-то соберется отойти в сторону, придется выкручиваться.

– Да ты, похоже, забавляешься? – заподозрил неладное Дмитрий Алексеевич.

– Пожалуй! Мне не интересны мужчины. – Она выдержала его испытующий взгляд и отхлебнула из чашки. – Отличный кофе.

– Ты слишком молода, чтобы обходиться без них.

– Меня не интересуют мужчины как объекты коллекционирования. И не так уж я молода.

Это был весьма скользкий ответ, но углубляться в тему он не стал, удовлетворившись ее невинным взглядом и иронической улыбкой. Хотя с тем, что она поторопилась списать себя со счетов, он был не согласен. После трех недель отсутствия Дмитрий Алексеевич был неприятно удивлен произошедшими событиями, уязвлен ее объявившимися поклонниками и пребывал в отвратительном расположении духа, пока она не переступила порог его дома.

– Значит, просто хорошо сохранилась.

– Это потому, что высыпаюсь по утрам, – слегка поддела его Маруся. – И не жарю омлет ни свет ни заря.

Он хмыкнул и мрачно поинтересовался у кухарки судьбой ужина. Маруся с улыбкой взглянула на его профиль с тяжелым подбородком, и воспоминания о прошлой жизни нахлынули на нее, как приливная волна.

Димочка любил борщ. И как Маруся ни билась, сколько рецептов ни перебирала – ей не удавалось приготовить именно то, что ему хотелось. Маленькие секреты и хитрости, которыми под завязку были забиты дамские журналы и поваренные книги, ей не давались. Он ел, хвалил, благодарил, но она чувствовала, что борщ не тот, а муж просто щадит ее чувства. За недели и месяцы кулинарной битвы Маруся научилась готовить кучу блюд, в чем успешно соревновалась с их домработницей, и только чертов борщ оставался для нее недосягаемым творением. То он был слишком жирный, то слишком светлый, то ему не хватало остроты, а то капуста оказывалась жесткой. Борщ стал ее проклятием на многие годы, и она была готова сдаться, убеждая себя, что для владелицы художественной галереи с ее образованием, воспитанием и внешностью роль кухарки – не самая главная.

Вечером того дня у них был запланирован выход «в свет». Вернее, она возилась с ужином, а он позвонил и напомнил, что через два часа их ждут на благотворительном концерте, который продюсировала его мать. Оказалось, что мероприятие с фуршетом планировалось давно, просто он забыл, что приход в паре был обязательным условием. Конечно, Маргарита Юрьевна предпочла бы видеть рядом с ним одну из своих протеже, но Дима, будто назло матери, никогда не приходил на подобные встречи с чужими женщинами. «Машка любой из них даст сто очков форы, – говорил он, чем приводил родственников в состояние белого каления. – А эти твои профурсетки годны только на пару раз!» Ни консерваторское образование Лидочки, ни головокружительная маркетинговая карьера Лорочки, ни третий опубликованный детективный роман Леночки, ни даже папа-олигарх Лялечки не изменили его позиции. Вне маминых мероприятий он вполне мог кувыркатся с Лидочкой и с Леночкой, но на встречи подобного формата возил с собой жену.

Маруся варила борщ, который ненавидела лютой ненавистью, и разрывалась между зеркалом и плитой. До выхода оставалось полчаса, прическа была сделана, макияж готов, платье дождалось на вешалке. В туфлях, белье и стареньком фартуке Маруся возилась

у плиты и не услышала шаги мужа в прихожей. На экране телевизора проходило мировое дефиле, французский комментатор бойко нахваливал новую коллекцию, тощие манекенщицы сменяли одна другую под вспышками фотокамер.

– Ну ты даешь, Машка! – выдохнул Дмитрий Петрович, обхватив полуголую жену двумя руками. – Где тебя так учили мужа встречать?

– Не учили, это случайность. Я почти готова.

– Я тоже, – подозрительно растягивая слова, зашептал он и стащил с нее фартук. – В спальню уже не пойдем.

– Димочка, – слабо сопротивлялась она, – я же причесывалась, красилась...

– Правильно, – одобрил он и освободил место на кухонном столе, смахнув ненужные салфетки и пакетики со специями. – Это то, что надо!

Много лет они не делали этого на кухне, впрочем, когда делали, их кухня была в три раза меньше нынешней ванной, и единственным местом, где можно было обняться, не рискуя получить травмы, колото-резаные раны или ожоги, был подоконник. Вот на этом самом подоконнике, привлекая внимание соседей из дома напротив, он и подавлял молодую жену за приготовлением завтрака или ужина.

Но на огромном стеклянном столе в их давно уже не новой квартире, спустя пятнадцать лет после свадьбы, с кипящим на плите борщом, ей не приходилось заниматься с ним любовью.

– Я ужасно голоден, – шептал он ей на ухо, избавляясь от рубашки, и Маруся, приняв давно забытую игру, довольно мурлыкала в ответ.

Когда таймер напомнил, что очередной неудавшийся борщ готов, оба были слишком заняты друг другом, чтобы обратить внимание на такую мелочь. А когда Димочка выпустил жену из объятий и, рухнув на стул, потребовал воды и борща, они уже катастрофически опаздывали на концерт.

– Димуль, твоя мама мне этого не простит, – жалобно сказала Маруся, глядя на мужа влюбленными глазами. – Давай без борща.

– Машка, я ужасно голоден. Или ты смерти моей жаждешь?

– Ты уже был голоден... – резонно напомнила она.

– Вот именно. Сегодня мы начали путь к моему сердцу не вполне традиционно. Давай теперь и желудок порадуем.

– Только оденусь, – хихикнула Маруся.

– Теперь уже нет смысла. Тащи борщ, одеться всегда успеешь.

Хотя в этот вечер одеться она все равно не успела. И оба они не успели ответить на телефонные звонки его мамы, и даже поставить в посудомоечную машину тарелки. Все, на что им хватило времени, – продолжить вечер в спальне, ближе к ночи повторить тарелку борща и уснуть, как начинающие любовники, поперек кровати. Наутро, уходя на работу, он поцеловал спящую жену и сообщил ей, что еще один такой борщ – и у него будет инфаркт. «Тебе понравилось?» – спросила она, удерживая его за шею. «Ничего лучше в жизни не пробовал! – поклялся он. – Я говорил, что ты у меня совершенство во всех отношениях?» И она безоговорочно поверила ему в то утро, как безоговорочно верила всегда. Как поверила в то, что он разлюбил ее, посчитав супружеский секс на кухне и отшлифовку навыков в приготовлении борща куда менее интересным занятием, чем любовь юных красавиц, которых с каждым годом все успешнее пиарила неугомонная Димочкина мама.

– Ты теперь будешь вспоминать мне этот омлет до конца моих дней?

– Я злопамятная, да! – созналась Маруся, выйдя из задумчивости. – Хотя ваши утренние визиты были приятным разнообразием в ежедневной рутине.

– Я что же, клоун, чтобы развлекать тебя?

– Почему любое мое слово оборачивается против меня? – нахмурилась она. – Я лишь посетовала, что вас долго не было. Что-то случилось?

Он хотел огрызнуться на эту избыточную заботу, но злости в себе не обнаружил и промолчал, наблюдая за тем, как домработница раскладывает на столе приборы.

– Я в Москве был, – после затянувшейся паузы сказал мужчина и искоса проследил за произведенным эффектом. – Я раньше часто в столице бывал, а в последние годы все не складывалось. А теперь вот решил в политику вернуться, обстановку разведать, старые связи поднять.

– В политику? – вежливо переспросила Маруся, стараясь унять сердцебиение при упоминании столицы.

– Пока в областную думу.

– Интересно, – солгала она, хотя ей было ни секунды не интересно. – Хотите стать хозяином целой области?

И пока он рассказывал о своих планах, глядя в ее внимательные глаза, память увела ее в город, где прошли лучшие годы жизни, и водила по узким переулкам Пречистенки, по широкой Тверской, по бульварам от памятника к памятнику, где они когда-то бродили с Димочкой, который еще не был мужем.

– Надо же, как мужчины любят ходить во власть! – успела улыбнуться она, когда рассказ хозяина внезапно оборвался. – Не сомневаюсь, что у вас получится.

«Значит, слушала!» – подумал Дмитрий Алексеевич, в середине своего монолога усомнившийся, что гостя пребывала на его кухне, а не витала в облаках.

– За всех не скажу.

Они помолчали, изучая содержимое своих тарелок.

– Мне пора. Спасибо за прекрасный ужин.

– Я тебе еще дом не показал.

– Сегодня уже поздно, – заторопилась она.

– Твой рабочий день в самом разгаре! – напомнил он, опередив ее перед выходом, и загородил собой проход.

– Для светских визитов время вышло.

Она не была готова в один вечер изменить свою жизнь, а он не был готов к отказу и смириться с ним не собирался.

– Ты можешь остаться. Дом большой, места хватит.

Маруся покачала головой и вспомнила, что приехала на чужой машине и самостоятельно добраться до города не сможет. Только пешком по ночной дороге. От этой мысли холодок пробежал у нее по спине. Откровенный взгляд мужчины не сулил легкого прощания. Похоже, он догадался об этих сомнениях и теперь уверенно улыбался, не уступая дороги.

– Только не говори, что не можешь уснуть в чужой постели.

– Дмитрий Алексеевич, я не останусь, – заупрямилась Маруся. – Не надо настаивать. Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Откуда ты знаешь?

– Я месяц назад рассталась с мужем.

– Тем более. Ты же не в отпуск уехала. – Он придвинулся ближе, не принимая во внимание сомнительный аргумент. – Ты сбежала. Следовательно, считаешь себя свободной.

– Дело не в свободе, – вздохнула Маруся. – Я не готова к другим отношениям.

– Никто не говорит об отношениях, – усмехнулся он и поискал в карманах зажигалку. – Вечно вы, бабы, про любовь. Я тебе предложил дом осмотреть. И остаться... на ночь.

– Если разделить эти два предложения, то первое меня может заинтересовать, а второе – нет.

– То есть осмотришь и уедешь? – переспросил он, явно забавляясь разговором.

– Кажется, нам следует внести ясность в понятие «осмотреть дом».

Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу, и та ясность, которую она без лишних слов внесла в их диалог, ему не понравилась. Но, имея власть над всем городом, над женщинами, которых хотел, над ней, которая добровольно приняла его покровительство и вынужденно оказалась заложником этого покровительства, он не готов был воспользоваться своей властью прямо сейчас.

– В такой форме я еще не получал отказа, – попытожил он и отступил.

В холле возле двери Константин клевал носом, то и дело вздрагивая мускулистым телом. Вечер для него еще не закончился, хозяин не дал распоряжений относительно припозднившейся примадонны, и уйти к себе в гостевой домик он не мог.

– Получилось изысканно, да?

Она смотрела ему в затылок и лучилась улыбкой. Он услышал эту улыбку в ее голосе и уже собрался разозлиться, когда она взяла его под руку и тихонько сказала:

– Но если подходить к вопросу буквально, на дом бы я посмотрела. В общем плане, если не возражаете.

– Тебе забавно, как провинция силится догнать московский уровень? – догадался он.

– Так вы покажете, или разбудим цербера, и пусть везет меня в город? – вопросом на вопрос ответила Маруся, уклонившись от ответа.

Ей не было дела до его дома, ее не интересовал местный уровень жизни. Она и раньше никогда не отличалась внимательностью к деталям и запросто могла не заметить обновления в доме свекрови, даже если обновка занимала половину комнаты, что неизменно вызывало неприязнь у хозяйки. Просто Маруся не хотела обижать человека, который так неуклюже проявлял гостеприимство в своем городе и в своем доме, который ходил вокруг да около, хотя мог просто воспользоваться властью, как это сделал бы любой другой. Который был во многом похож на ее мужа, и она невольно искала в нем расположение и защиту.

Расположение и защита без близости... Способны ли на них мужчины в этом совсем не юном возрасте? Способны ли дружить, не переходя границ дозволенного дружбой? Она ему симпатизировала и немного рисковала, проявляя эту симпатию в форме дружеского участия. Но шагнуть разом в отношения, которые он самоуверенно считал просто сексом, Маруся не могла. Хотя держать его под руку было надежно и волнительно, и, поймав себя на этой мысли, она отодвинулась на безопасное расстояние. Безопасное не для его притязаний, а для собственных фантазий.

– Пойдем!

Он взбежал по лестнице, словно торопился поскорее закончить неприятное дело. Она еле успевала за ним на высоких каблуках, звук от которых скрадывал толстый ковер на ступенях. Ей не были близки имперские амбиции в оформлении дома, причудливая смесь барокко, ампира и эклектики. Кухня и столовая, выполненные в современном стиле, казались ей куда более удобными для жизни, тогда как кабинет, гостевые спальни и библиотека изобиловали пурпуром и золотом, лепниной и шикарной деревянной мебелью в стиле одного из канувших в Лету Людовиков. Он вел ее по комнатам, распахивая двери, нигде не задерживаясь надолго, и Маруся всем существом ощущала его раздражение и мучилась, как корректно завершить ненужную обоим экскурсию. Бродить за ним по комнатам и вежливо улыбаться было глупо, и когда он прошел мимо одной из дверей, она, изобразив живой интерес, задержала его кокетливой фразой.

– А здесь тайная комната Синей Бороды?

– Здесь моя спальня! – Он вернулся и подошел слишком близко. – Хочешь осмотреть?

– Ох, нет... Не в этот раз! – лягнула Маруся, отшатнувшись от него как черт от ладана. – То есть я хотела...

– Я услышал, что ты хотела, – уверил ее хозяин с самодовольной усмешкой. – Я подожду.

Краснея, как девочка, и мысленно кляня себя на чем свет стоит, она пошла вниз. Что за порода такая – любой разговор переводить в плоскость взаимоотношений между полами! Она просто осмотрела его дом, просто выслушала его за ужином, просто съездила с ним ночью в цыганский табор, просто варила ему кофе по утрам... Черт возьми, нет в этом ничего простого! Даже самый лояльный наблюдатель сказал бы, что это уже отношения, а никакая не прелюдия к ним. Спустя месяц после бегства из дома она проводит время с другим мужчиной и принимает его ухаживания, если, конечно, все эти медвежьи попытки сближения можно назвать ухаживаниями. Он так откровенно ревнует и контролирует ее, что весь город наверняка уже догадался или даже твердо уверен... И только она, как последняя дурочка, в воспоминаниях о муже не замечает очевидного.

Следуя за ним, она не заметила, как оказалась еще в одной комнате, вернее, в огромном зале, и остолбенела, когда он похвастался: «А это предмет моей особой гордости!» – и широко повел рукой, приглашая ее восхититься увиденным.

– Боже правый! – прошептала побледневшая Маруся и прижала пальцы к занывшим вискам.

Каминный зал отличался от столовой и кабинета, как волкодав отличается от шпица или даже ротвейлера. Массивная мебель из состаренного дерева и декорированный камнем камин с тяжелой кованой решеткой придавали комнате средневековый колорит. На мраморном полу перед камином царствовала шкура бурого медведя, а на темных деревянных панелях, которыми были обшиты стены, между коваными светильниками бесконечными рядами висели головы оленей, кабанов, рысей, волков. Среди отрубленных голов с мертвыми янтарными глазами и обнаженными желтыми клыками были чучела белок, лисиц, зайцев, глухарей, уток и дичи поменьше, и от увиденного у Маруси закружилась голова и подкатила тошнота.

– Это моя любимая комната! – похвастался он и повернулся к женщине, готовясь принимать знаки восхищения.

– Я хочу уйти... – выдавила она и еле удержалась на ногах. – Хотя сейчас мне лучше присесть.

Он молниеносно придвинул к ней кресло, накрытое шкурой.

– Ты не любишь животных?

– В замке Конопиште я тоже чуть в обморок не упала. Там еще страшнее, – призналась она, глядя себе под ноги. – Эти трофеи... Муж давно понял, что ничего подобного в дом приносить нельзя.

– Ну, да. Тонкая душевная организация.

– Я не переношу вида мертвых животных. Может, это фобия или что-то подобное. А он любит уехать в глушь с друзьями за новыми трофеями. Но когда эти пластмассовые глаза смотрят со стен, когда то, что было жизнью, превращается в глумление над убитым телом...

– Обычно у женщин эти зверушки вызывают восхищение! – оборвал ее мужчина. – И уж точно никто не падает в обморок в музеях.

– Кроме меня. Ничего не поделаешь, я всегда была такая...

– Да уж, такая, – повторил он, вкладывая в эти слова особый смысл. – Вставай. Отправлю тебя домой, пока не пришлось доктора вызывать.

Он подал ей руку, и Маруся поднялась, но он не двинулся с места.

– Пожалуйста, – вздохнула она и поборолла искушение зажмуриться. – Прошу вас...

– Скажи еще, что ты не этого хочешь.

И, не сделав даже попытки отодвинуться, он положил ладонь ей между лопаток. Она невольно распрямила плечи и подняла голову, оказавшись с ним лицом к лицу.

- Не хочу, – не совладав со своим голосом, подтвердила она.
- А твое тело утверждает обратное.
- Моим телом все еще управляет мой мозг.

Она не могла отвести глаз от его упрямого рта и старалась не думать о поцелуе, который был почти неизбежным.

- Который безбожно врет!

Она понимала, что он прав и чувствует ее куда лучше, чем она сама. И в этом ощущении тоже была ловушка, потому что она всегда полагалась на мнение мужа, когда речь заходила о том, как обустроить ее жизнь. «Тебе надо поесть», – говорил он, и они шли в ресторан, где перед тарелкой с салатом она осознавала, что чудовищно голодна. «Ты не должна носить плащ, вот-вот пойдет снег. Надень шубу, и плевать, что они скажут». Они – это целый мир, который крутился в своих мелких делишках, накинув на плечи модные в этом сезоне курточки и пальтишки, когда она ехала в гости в мехах, как голливудская дива, и, ловя на себе насмешливые взгляды, чувствовала, что ей тепло и комфортно. И рядом мужчина, который лучше всех знает, как она должна выглядеть и что чувствовать. «Не смотри на меня так, как будто у тебя не было секса три месяца!» – «Да я и не смотрю, Димочка! Я думала о предстоящей поездке...» – «Не знаю, о чем ты думала, но под таким взглядом мне впору снять брюки! От тебя идут сумасшедшие импульсы!» – «Нет никаких импульсов!» – «А почему тогда мы опоздаем на концерт?» И они бессовестно опаздывали на концерт, в ресторан или на регистрацию на самолет. И всякий раз муж говорил, что она заставляет его терять голову. А она ничего не делала... она почти и не думала о сексе. Просто ее всегда тянуло дотронуться до него, и она, как могла, подавляла в себе эту потребность, полагая, что инициировать близость мужчина должен сам.

И вот сейчас другой мужчина, другая жизнь, а ситуация повторяется, и он читает ее, как по нотам, еще до того, как она сама осознает свои желания. Его рука за спиной стала настойчивей, и Маруся уже понимала, что осмотр дома закончится именно так, как прогнозировал хозяин, – в той самой спальне, куда она побоялась зайти.

– Может, мне машину в гараж поставить? – спросил заглянувший в зал Костя и подавился собственным вопросом при виде их объятий.

Они обернулись к двери, хозяин ослабил хватку, и Маруся выскочила в холл, не желая дольше задерживаться для осмотра бильярдной, тренажерного зала и сауны.

- Домой ее отвези. И не болтай там...

Где мог проболтаться об увиденном этот шкафоподобный андроид, Маруся даже не пыталась понять.

– Спасибо за гостеприимство! – издали сказала она, стараясь остаться приветливой и беспечной.

– Работу завтра не проспи! – буркнул он и пошел вверх по лестнице, не дождавшись, когда она покинет дом.

Всю дорогу Константин зевал, прикрываясь кулаком, и косился на нее, словно каждый раз вспоминал о сцене, которую застал, и надеялся увидеть в ее лице разгадку.

- Ничего не было! – не выдержала она.

– Это не мое дело! – буркнул он и снова попытался подавить зевок. – К тому же, у него есть женщина, и если она узнает...

- Нечего узнавать! – возмутилась его тупостью Маруся.

- Может и так, – ответил охранник. – Но людям рты не заткнешь.

- Вот как! И что же болтают люди?

- Разное...

- Если он взял меня на работу, это не значит, что я с ним сплю!

- Это пусть Люська сама разбирается.

– Только Люськи мне не хватало! Что еще за Люська? И почему целый месяц я ничего о ней не слышала?

– Людмила Иванова. Двадцать семь лет. Не замужем. Возглавляет туристическую фирму «Парус», которую он ей купил. У них любовь уже два года.

– Я от всей души рада за Людмилу Иванову и твоего шефа. И мне нет никакого дела до их любви.

– Зато ей будет дело, когда она вернется из Парижа.

– Господи, – сокрушенно покачала головой Маруся. – Уехать от проблем с дамами в Москве, чтобы наступить на те же грабли! Я не воюю за мужчин.

– Я просто предупредил, – сухо сказал Константин, записывая ее признание куда-то во внутреннее хранилище коротко стриженной головы. – А уж вам решать.

Она открыла рот, чтобы сказать, что ничего решать не собирается, но вступать в дискуссию с охранником было еще глупее, чем обниматься с его хозяином посреди каминного зала под взглядом сотен стеклянных глаз. Поэтому она молчала всю оставшуюся дорогу, а в квартире тут же бросилась под душ смывать с себя воспоминания и ошибки прошедшего дня.

Назавтра проспаться работу ей не удалось, поскольку привычный звонок поднял ее с кровати около полудня.

– Ты бы вообще не просыпалась, если бы я не заходил?

– Ну, как-то я справлялась раньше, – зевнула она и запахнула полы халата. – С молоком или с лимоном?

– Вот это мне и интересно. Кто-то приходил к тебе по утрам? Или не уходил с вечера?

– Да перестаньте, – отмахнулась Маруся, доставая кофе. – Вам же известно о каждом моем шаге. Сюда бы и мышь не смогла проскользнуть без вашего ведома. Везде мышеловки расставлены. Городок маленький, все на виду.

– Городок маленький, это ты права. Но через месяц после своего приезда ты не завела ни одного знакомства. Не считая тех двух болванов, что таскаются за тобой по вечерам.

– А зачем мне знакомства? – Она подняла брови домиком. – Магазин, квартира, работа. Меня все устраивает.

Он не стал продолжать допрос, и в кухне повисла неловкая пауза.

– А что ты скажешь о городе?

Маруся удивилась странному вопросу, потому что ей не было дела до этого города, будь он хоть осколком Римской империи.

– Честно сказать – ничего. Все как-то времени не было прокатиться. Или настроения.

– А если я тебе его покажу?

– Это вопрос или предложение?

– Это приказ, – хмыкнул он и громко опустил свою кружку на стол. – Мне нужен свежий взгляд. Одевайся.

Она неопределенно пожала плечами и ушла в комнату.

– А чем ты питаешься днем? – спросил он, заглянув в ее холодильник. – Ты вообще не готовишь? У тебя тут мышь сдохла.

– Какая мышь? – Она выглянула из комнаты, прикрываясь вешалкой с кофточкой. – Не может быть там никакой мыши. Вы же мышеловки на всех моих маршрутах расставили.

– Пришлю тебе домработницу, – хмыкнул он.

– Вот еще! Я и сама справляюсь, квартирка маленькая. А готовить мне просто не хотелось.

– Пospорь со мной!

– Я не могу себе позволить держать домработницу при такой зарплате.

Она вышла из комнаты растерянная и сердитая, словно он предложил ей съехать из дома в двадцать четыре часа. Не хватало только, чтобы он диктовал ей, как жить и как строить быт, будто она маленькая девочка, которую мама отпустила из дома в летний лагерь, но не научила, как застилать постель или гладить футболку.

– Я не говорил, что ты будешь за нее платить.

– Я и не буду за нее платить, – окончательно помрачнела Маруся. – Ни деньгами, ни собой.

– Думаешь, я покупаю тебя?

– Если это так, это унижает нас обоих, – с надменностью свергнутой королевы отозвалась она.

– У меня достаточно средств, чтобы распоряжаться ими, как вздумается, и не оглядываться на чужое мнение. И если я делаю что-то для человека, то не потому, что пытаюсь его купить. Интернат и роддом живут на мои деньги, ветераны получают надбавку к пенсии. Не стоит мне рассказывать, какая я корыстная сволочь.

Он звериным взглядом смотрел в окно, и ей вдруг подумалось, что он разговаривает не с ней, а сам с собой. И «корыстная сволочь» – это тот привычный эпитет, который он давно примеряет к себе, независимо от того, есть корысть в его поступках или нет. И этот внутренний монолог, случайно подслушанный ею, заставил ее иначе взглянуть на успешного промышленника и хозяина города, самоуверенного и самодостаточного, каким он хотел казаться миру.

Он был одинок, этот медведь. Он уже не ждал, что его будут любить за то, что он просто существует на свете. Его положено было ценить за блага, которые он раздавал, бояться за крутой нрав, который он не привык сдерживать, и врать ему о любви и преданности, которых он был лишен. Ей бы следовало если не пожалеть его, то хотя бы проявить сочувствие, но она была эгоистично занята собственной болью и потому отодвинула сопереживание на задний план.

– Я не брошенная девочка, не роженица и не старушка. Я не могу принимать подобные знаки внимания без того, чтобы не думать... – Он в один миг потерял интерес к пейзажу за окном и решительно двинулся к ней, и Маруся отступала до тех пор, пока не наткнулась на стену. – Не надо, прошу вас...

Сегодня испуг в ее глазах был неподдельным, если он правильно прочитал это выражение. А накануне неподдельным было желание, и в тот момент именно слова фальшивили, как расстроенная гитара.

– Признай, что вчера ты все-таки хотела. И если бы не этот болван...

– Если я невольно дала вам повод решить... – попыталась выкрутиться она, и мужчина брезгливо поджал губы, снова услышав фальшь.

– Мне не нужен повод, чтобы что-то решить.

Константин возле лифта встрепенулся и с подозрением заглянул в загадочные лица обоих. Но возле машины хозяин отправил его в офис, а сам занял пассажирское сиденье ауди.

– Говорят, ты купила абонемент на нарушение скоростного режима. Но сейчас не торопись и осматривайся потихоньку, я хочу знать, что ты видишь.

Она мало путешествовала по стране в детстве и юности. Потом, когда вышла замуж, они долгое время никуда не ездили, пытались встать на ноги в новом государстве и найти дело, которое вывело бы их семью на достойный уровень. А потом все наладилось, и тогда они стали отдыхать в Европе, в Тайланде, на островах, и Маруся не представляла, как живет российская провинция последние сорок лет.

А провинция жила негромко и потихоньку, плавно переходя из одного состояния в другое, без переворотов и скачков. Уповала на традиции и новых хозяев, где-то ветшала, где-то возводила элитные дома, дымила построенными в советское время заводами и с явным

неодобрением посматривала в сторону надменного центра с его правительствами и слугами народа.

То ли под влиянием присутствия хозяина, то ли из-за солнечной погоды город показался Марусе славным, знакомым и уютным. Улочки расходились под прямым углом от центрального проспекта, круговые развязки были засажены цветами и вымощены разноцветной плиткой. Та же плитка уводила пешеходов во дворы к ярким детским площадкам, двухцветные бордюры радовали глаз, а полосы разметки, пешеходные «зебры» и стоянки выглядели, как на архитектурном макете. Фасады домов были отделаны в нежных пастельных тонах, возле чистеньких магазинчиков высились каменные вазы, а деревья вдоль дороги хвастали друг перед другом свежей побелкой.

– Мне нравится, – жизнерадостно заявила Маруся, проехав по центральной улице, но он только кивнул и указал, куда повернуть.

На радиальных улицах тоже было чисто и опрятно, но разметка и бордюры были потертыми, клумбы у магазинов исчезли, а детские площадки состояли из полупустых песочниц и скрипучих качелей. Маруся в легком недоумении посмотрела на хозяина. «Денег не хватило?» Но Дмитрий Алексеевич только дернул плечом и закурил, стряхивая пепел за окно.

Чем дальше ауди удалялась от главного проспекта, тем мрачнее становился пейзаж, как будто ярких красок хватило всего на несколько кругов и полос в центре картины. Облезлые фасады были пронизаны глубокими трещинами, полуразвалившиеся балконы вызывали панический ужас при мысли, что под ними каждый день ходят десятки людей, а дворы являли собой гибрид свалки и пустыря, где в пыльной траве вдохновенно копались дети и собаки.

– Дмитрий Алексеевич, – не выдержала Маруся и по его знаку остановилась возле одного из трехэтажных домов, больше годного под снос, чем для проживания, – как же так?

– Думаешь, показуха – это только столичное явление? – с мрачным видом отозвался он, покидая машину. – Нам тоже есть, чем похвастаться. Бомбей! Город контрастов!

– Но это же дикость! Высотка и супермаркет в моем районе и вот эти... трущобы. Деньги кончились, как только обустроили проспект?

– Вот и мне интересно, как это деньги так быстро кончились по пути ежедневного проезда главы местной администрации?

– Наверное, бюджет маленький, а распределен плохо, – попыталась найти объяснение она.

– Ты даже представить не можешь, сколько денег выделено на город из бюджета! И пока нам не задали правильные вопросы сверху, мне бы очень хотелось узнать, где эти средства. Еще в прошлом году в конце лета людям был обещан капитальный ремонт. Ты видишь капитальный ремонт? Хотя бы намек на него? – Он заводился все больше, обводя тяжелым взглядом грязный двор с чумазыми детьми и бельевыми веревками, на которых ветер полоскал серое в цветочек белье. – Завод дал денег на ремонт и оборудование роддома, а потом женщины с детишками приходят вот сюда!

– Вы дали денег на роддом? – осторожно уточнила она.

Он стоял посреди двора, утопив руки глубоко в карманы, и смотрел в окна первого этажа, где за стеклом молодая женщина укачивала на руках малыша. Ветер трепал белую кружевную занавеску, губы женщины шевелились, а младенец, завернутый в клетчатое одеяло, крутил головой, никак не желая засыпать. На подоконник вспрыгнул рыжий кот и, задрав хвост, протиснулся между горшками с геранью, присел, оттолкнулся лапами и оказался в проеме форточки. Молодая мать, не прерывая песни, взглянула на кота и тут заметила во дворе хорошо одетого мужчину, наблюдающего за ней. Она в раздражении задернула занавеску, потревоженный кот прыгнул на ближайшее дерево и, перескакивая по веткам, как белка, бросился в кусты. Кот и хозяйка выглядели худыми и изможденными. И Маруся

подумала, что пройдет совсем немного времени, когда румяный малыш на руках у матери превратится в бледного анемичного мальчика или девочку в потертых штанишках, доставших от родни, и вместе с другими трущобными детьми станет копать в земле посреди запущенного двора.

Она наблюдала за своим спутником, который все никак не мог оторваться от опустевшего окна, нахмутив брови и выдвинув квадратный подбородок. Обычно в такие минуты друзья и подчиненные не решались его тревожить, но Маруся этого знать не могла, поэтому просто подошла и взяла под руку, забыв о том, кто он и кто она.

– Мне очень жаль, но невозможно осчастливить всех.

Он повернулся, впустив в сознание ухоженное лицо красивой женщины с большими серыми глазами, легкий макияж, неброские золотые сережки, стильную одежду, о которой обитатели здешних мест даже мечтать не могли, и вдруг почувствовал, что его безумно раздражает эта столичная беглянка с ее беспечным эгоизмом.

– А ты видела, что там внутри? – В его голосе клокотала ярость, и в суженных зрачках читалось неприкрытое презрение. – Ты хотя бы представляла себе, как они живут?

– Послушайте... – Она трусливо отступила, чтобы не попасть под горячую руку. – Зачем винить в этом меня? Если я никогда так не жила, это не значит...

– Твоя машина стоит столько, сколько они всем миром за сто лет не заработают!

– Сто лет назад с этим лозунгом в стране сменилась власть, а люди снова живут в скотских условиях. Но мне не должно быть за это стыдно!

– А кому должно быть за все это стыдно, а?

Он смотрел на нее так, будто это Марусино благополучие отнимало у женщины с младенцем здоровье и надежду. Будто отдай она все, что у нее есть, малыши за белыми занавесками, их матери и даже рыжие коты станут гораздо счастливее и богаче.

– Я не знаю... – расстроилась она и опустила намокшие ресницы. – Наверное, тому, кто реально может помочь, кто имеет власть и средства решить их проблемы. Хотя бы попытаться...

– Мне, видимо? – съехидничал он. – А вы постоите в сторонке в ожидании крошек от пирога!

– Мне не нужны ваши пироги! – Оказаться в одной компании с его прихлебателями ей казалось унижительным и обидным. – Я ничего для себя не просила.

Она заторопилась к машине, но он остановил ее властным окриком, подошел слишком близко, и она почувствовала исходящие от него тепло и силу. Чем дольше он молчал, глядя на ее склоненную шею с золотой цепочкой, уходящей в вырез блузки, тем сильнее она нервничала, не смея обернуться.

– Что? – первой не выдержала она. – Зачем вы так со мной?

Но он не услышал, потому что вдруг перестал переживать о людях и их проблемах и подумал с тоской, что если прямо сейчас обнимет, то она точно оттолкнет его. И будет права. Потому что он завелся, как дурак, и нес какую-то околесицу о социальной справедливости и ее мифическом благополучии, вместо того чтобы увезти красивую женщину пообедать в приличное место. Или по старинке сводить в кино, или хотя бы в дубовую рощу, где недавно выложили плиткой дорожки и поставили деревянные скамейки. А Маруся, чувствуя его дыхание на своих волосах, забыла о вспышке неоправданной грубости, и ее сердце вдруг затрепыхалось, как пойманный в силки заяц. И стало очевидно, что если он поцелует, то прямо сейчас она позволит себе не думать о прошлом и не сможет ни оттолкнуть его, ни ударить.

Идущие мимо школьники с дымящимися сигаретами с интересом оглядели ауди и странную парочку на дороге, а они все стояли и ждали какого-то знака.

– Машка, зараза, опять смолишь! Ну, тебе мать устроит, как со смены вернется!

Видимо, это и был их знак – толстая тетка, высунувшаяся по пояс из окна и грозящая кулаком сбившимся в кучку подросткам. Маруся обернулась на крик и отодвинулась от мужчины. Он полез в карман за сигаретами, скрывая неловкость, но боковым зрением поймал осторожный взгляд из-за белой занавески с красной геранью на подоконнике и снова вспомнил о причине своего визита сюда.

– Пойдем, – потребовал хозяин города и подтолкнул ее к подъезду. – Осмотрим интерьеры этих дворцов.

– Я в машине подожду, – попыталась воспротивиться Маруся.

Но ее мнение в тот момент не имело никакого значения, а пальцы, сомкнувшиеся на предплечье, были слишком уверенными, чтобы бунтовать всерьез.

В темном подъезде остро пахло сыростью и кошками. На разбитых ступенях узкой лестницы валялся мусор, зеленая краска по стенам облупилась, а штукатурка тут и там обвалилась целыми пластами. Кое-где перила были выломаны, а окна между первым и вторым этажами оказались такими грязными, что сквозь них не было видно улицу. Но самое удручающее впечатление производила электрическая проводка. Из щитов торчали пучки проводов, местами без изоляции, а провода, идущие к квартирам, провисали, как веревочные качели, и были щедро опутаны паутиной с клоками пыли и засохшими мухами. Маруся жалась к мужчине, пристально всматривалась в ступени и старалась реже дышать.

– Нравится? – все спрашивал он, поднимаясь выше. – Как тебе их реализованное право на жилье? – На верхней площадке они остановились, и он ткнул пальцем в потолок. – И крыша течет! Дом гниет сверху и снизу, в подвале болото. Хочешь, постучимся в гости? – Она избегала смотреть на двери, обитые коричневым дерматином с вылезшими клоками серой ваты, и, стиснув зубы, помотала головой. – Разве тебе не интересно, как живет народ, пока вы в Москве ездите на ламборгини, кушаете белужью икру и отдыхаете на Мальдивах?

Он был хороший человек, она доверяла своему чутью, и интуиция никогда не подводила ее. Он был хороший и несчастный, и в своем одиночестве был зол и похож на загнанного зверя. Маруся знала, что ни в чем не виновата, знала, что несправедливо было винить ее в грехах человечества, но он не оставил ей выбора, кроме как оправдываться и чувствовать себя маленькой девочкой в кабинете директора.

– Мои родители были инженерами. – Она вздохнула и заглянула в свое детство сквозь пыльное стекло между пролетами лестницы. – Мы жили в новостройке с видом на кольцевую дорогу, весь год копили деньги на отпуск в Бердянске, а по праздникам ели салат из фиолетовых кальмаров и твердую колбасу с розовыми пятнами жира, которую давали в заказах. Я помню свое клетчатое пальтишко с искусственным воротником. В школьной раздевалке такие были у трех девочек, и мы все время путались, где чье. В июне и июле я ездила в пионерские лагеря, а когда папа умер, мы с мамой в августе оставались в Москве и ездили загорать на Клязьму. Джинсы «Веря» я получила в подарок только в десятом классе и копила по пять копеек с обеда, чтобы раз в месяц сходить в кафе-мороженое. И я очень хорошо училась, потому что мама не могла платить за подготовительные курсы и за репетиторов, и только чуточку не дотянула до медали. На выпускной я получила в подарок золотое колечко с аметистом и сберкнижку с тысячей рублей. На них я купила механическую машинку и печатала чужие курсовые и дипломы, потому что стипендия была смешная, а мамин НИИ развалился в перестройку, и она ушла администратором в поликлинику за копейки. – Маруся в задумчивости перебирала картинки из прошлого и с трудом вернулась в реальность грязного подъезда. – И разве грех, что, когда мы поженились, Димка из кожи вон лез, чтобы вытащить нас из этой серости? Да, он умеет зарабатывать деньги. Он сильный и талантливый, он может позволить себе держать домработницу, менять дорогие машины, ездить на футбольные матчи по всему миру и даже до конца жизни не работать, если станет лень. Вы ведь тоже не живете, как они! Вы могли бы продать свой замок и построить мно-

гоэтажку. – Она вздохнула, решив, что слегка перегнула палку, перевела на него виноватые глаза и поспешно отвернулась. – Можно снова все поделить, чтобы плохо было всем без исключения. И что изменится за той дверью, если я надену китайские шмотки и буду ездить на автобусе? Или вам кажется, что тогда я стану сговорчивее?

Дмитрий Алексеевич смотрел на ее тонкий профиль на фоне грязной стены и почти видел нежную школьницу в белом фартучке, с лентами, вплетенными в светлые косы. Но когда она обернулась, у нее было отчужденное лицо, сжатые в линию губы и две глубокие морщинки между сомкнутыми бровями. И эта чужая сорокалетняя женщина, стоящая рядом, вовсе не вызвала желания быть справедливым и благородным, потому что у него тоже имелась своя правда, совсем не такая чистенькая и уютная, как у девчонки с московской окраины.

– А я вырос на соседней улице. Дом простоял с довоенных времен, а лет пятнадцать назад сложился, как карточный. Правда, бабка уже не увидела, что от ее квартиры даже следа не осталось. Когда родители уехали на север, я жил с ней. А потом отец нашел женщину, мать вернулась домой и за два года спилась. Я вытаскивал ее из чужих квартир, находил полуголюю в подворотнях и дрался с ее мужиками. Она утонула пьяная в начале лета в городском пруду, и я вздохнул с облегчением, потому что мой кошмар кончился. И детство кончилось. А бабка на похоронах впервые заплакала. Обычно она меня ремнем охаживала, как теленка, и требовала, чтобы я учился. Но я не учился, шлялся круглые сутки, пробирался мимо билетеров в кино и думал, что уеду к чертовой матери из этого городишки и никогда его больше не увижу. Ни дворы эти, ни трубы заводские, ни бабку. А потом на самом деле уехал в Питер на заработки и получил все, что хотел: бизнес, девок, возможности. И только через десять лет вернулся, как будто мне на шею накинули веревку и потянули. Бабка была еще жива, а город умирал, и мне тут нечего было делать, потому что я его сто раз перерос. А я взял и остался, завод выкупил и бабку пытался в нормальную квартиру переселить. Я с ней собачился до последнего, а когда она умерла, я ее пожалел, и мать-покойницу вспомнил, и отца, который на севере горбатился, чтобы троих малолетних отпрысков прокормить. И даже людей этих пожалел, которые и раньше-то жили, как придется, а теперь вообще хуже уличных собак. И я не обольщаюсь на счет их благодарности. Я для них не лучше тебя, хоть со многими по заборам лазил и водку пил. Они мне в лицо кланяются, а за спиной ненавидят. Думаешь, я не вижу ничего? Не хочу, как ты, жить в столице или в Европе? Но как вспомню, что бабка копейки отсчитывала на молоко и буханку и рубашки отцовские на меня перелицовывала... Я и Серегу не отпустил, когда он в Москву просился. После института домой выписал и главой местной администрации посадил. А этот выкидыш девок в кабинете на столе раскладывает. Нет бы пройтись вот тут по этажам и посмотреть, как оно бывает в настоящей жизни.

– Я не знала.

На Марусином лице больше не было ни злых глаз, ни суровых морщинок на лбу, но образ девочки померк и возвращаться не желал.

– Чего ты не знала? – не понял он и пнул пивную банку, которая с грохотом покатила вниз.

– Да ничего не знала. – Она приблизилась и бросила опасливый взгляд на мутный глазок в ближайшей двери. – Ни про город, ни вообще про то, как люди вдали от Москвы живут. И про ваше детство...

– А чего тут знать-то? – Он хмыкнул, сунул руки в карманы и, чуть не задев ее плечом, пошел вниз и обернулся с нижнего пролета. – Ты там поселиться собралась? Идем, навестим главу администрации. Посмотрим, как он верой и правдой служит народу в свободное от развлечений время.

Эта идея ее порадовала еще меньше, чем посещение местных трущоб, но спорить с хозяином было рискованно, и она покорно застучала каблучками по шерботой лестнице, сцепив пальцы, чтобы случайно не прикоснуться к стене или перилам. Мимо нее вверх, ругаясь, как взрослые, пробежали двое мальчишек и кудлатая собака, она посмотрела им вслед и наткнулась на стоящего на нижней ступеньке мужчину. Он обхватил ее рукой за спину и удержал, не давая отодвинуться.

– А что, если одеть тебя в китайские шмотки, ты согласишься?

– На что? – спросила она и покраснела, пряча глаза.

– Сама идею подала!

Он забавлялся ее беспомощностью и крепче прижимал к себе.

– Дмитрий Алексеевич, это неправильно, – пожаловалась Маруся, отклоняясь и выгибая шею, и было неясно, то ли она сторонилась его готовых к завоеванию губ, то ли подставлялась под них.

– Вот оно что! – протянул он насмешливо. – Шмотки на тебе не те, и обстановка не располагает к романтике.

– Я не понимаю...

– Нет? – Он взялся за ее подбородок, и Маруся уперлась ладонями ему в грудь, забыв о том, что еще пятнадцать минут назад почти хотела этого поцелуя. – Ты ведь подобные предложения получала только по-французски и только в ювелирных салонах?

– Никто не смел делать мне подобных предложений! – полыхнула законным гневом Маруся. – Я замужем.

– Была замужем, – бестактно напомнил он и, разжав руки, пошел к выходу, доставая на ходу сигареты. – Ладно, я не спешу.

Через трущобы, неухоженные улицы и вылизанные центральные кварталы они вернулись на главный проспект. Появляться в его обществе в администрации и уж тем более присутствовать при разговоре отца с сыном о судьбах города ей не хотелось. Она предпочла бы остаться на стоянке и дожидаться его возвращения, но Дмитрий Алексеевич не разделял ее сомнений, и Марусе пришлось составить ему компанию под внимательными взглядами охраны, посетителей и служащих. Однако Сергея Дмитриевича в кабинете не оказалось, и любезная секретарша переадресовала их в столовую, где высокое начальство соизволило сегодня остаться на обед. За время ее краткого монолога с неизменной улыбкой Маруся подверглась жесткому сканированию и ни секунды не сомневалась, что стоит им закрыть дверь приемной, как информация об этом визите сказочным образом распространится среди всех заинтересованных и просто скучающих личностей быстрее скорости света.

Неудивительно, что когда они спустились в столовую, Сергей Дмитриевич уже был осведомлен об этом визите. Маруся отказалась от обеда, заказала чашку кофе, а потом смаковала его крохотными глотками и со сдержанным интересом осматривалась, пока мужчины перебирали нейтральные темы. Тот факт, что присутствующие в столовой сотрудники повсеместно обсуждали этот визит, ее не особенно смущал. Сергей Дмитриевич был расслаблен и доволен собой и не мог думать ни о чем, кроме футбола. Даже когда вскользь прозвучал вопрос о расходовании бюджетных средств, он не заподозрил подвоха и лениво отмахнулся: «Нет проблем, освоим до конца года!», и вернулся к предстоящему чемпионату.

– Точно освоишь? – Хозяин смотрел на сына с нехорошим прищуром. – А то на следующий год могут и не дать.

– Думаешь, тут деньги вложить некуда? Да у нас проблемных мест...

– Вот видишь, Маша! А ты утверждала, что деньги кончились.

– Я просто предположила, не более. Значит, ничто не мешает решать проблемы на окраинах.

Марусина мысль по знакомому следу вернулась к осыпающимся балконам и грязным лестницам, а Сергей Дмитриевич окинул спутницу отца презрительным взглядом.

– У тебя появился новый консультант, знающий толк в управлении городом? Она кто? Правая рука Лужкова? Или гоголевский ревизор?

– В подъезде ты была более красноречива, – оставив без внимания реплику сына, упрекнул Дмитрий Алексеевич. – У нас привыкли говорить, какой добрый царь-батюшка достался городу. Пресса его целует во все места, избиратели красные дорожки чистят. А почему? За его неопишуемые заслуги перед отечеством или за папины вливания? Это вы там своего костерите и в хвост и в гриву, а у нас демократия разумная и управляемая. Кто в городе скажет ему откровенно, что пора заниматься конкретными проблемами, а не подкрашивать фасады на главной улице?

– Дмитрий Алексеевич, я не компетентна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.